

тривался по сторонамъ, а по лицу его пробѣгали какія-то странныя тѣни.

Наконецъ, онъ не могъ выдержать.

— Вотъ такъ прекрасная шляхта!—воскликнулъ онъ.— Стоило имъ идти сюда, чтобы только составлять заговоры, да намъ, которые приготовились проливать кровь, стоять на дорогѣ... Громъ и молнія на такое ополченіе!

Всѣ обратили на него взоры.

— Это измѣнники и подлецы!—воскликнулъ онъ.— Намъ угрожаютъ казаки и татары, а эти бестіи думаютъ только о себѣ, какъ бы побольше содрать за свою шкуру, хоть ея и не дали еще...

— Помилуй, хорунжій,—прервалъ Казимірскій,—что ты такъ негодуешь?... Шляхта опирается на свои права...

— А чортъ бы ее побралъ съ ея правами! Время ли тутъ думать о правахъ! Тутъ нѣтъ теперь права, кромѣ военнаго, а кто его не слушаетъ...

Взволнованный Мазевскій сѣлъ, не кончая начатой рѣчи; всѣ переглянулись между собой, какъ бы говоря:

— Это не нашъ человѣкъ.

— Успокойтесь,—разсмѣялся Банковскій,—шляхта исполнить свой долгъ, но, что она домогается...

— Довольно будетъ времени послѣ войны,—началъ горячо Мазевскій.—Теперь только одно у нихъ дѣло: погасить бунтъ, умирить мятежниковъ, прогнать татаръ... Я ничего другаго не знаю; тотъ измѣнникъ, кто думаетъ теперь о чемъ-либо другомъ!

— Именно поэтому,—прервалъ подканцлеръ,—люди беспокоятся о дѣйствіяхъ короля, такъ какъ одинъ невѣрный шагъ можетъ насъ погубить.

— А, на это у него есть Совѣтъ,—сказалъ Мазевскій.

— Котораго онъ и слушать не хочетъ, а только своихъ нѣмцевъ,—вмѣшался Прошка.—Нѣтъ, нѣтъ,—нѣмцевъ надо выкуривать.

— Но, чортъ возьми!—воскликнулъ Мазевскій,—нѣмецкая пѣхота прекрасна; въ артиллеріи они пушкари, безъ которыхъ мы не обойдемся.

Осторожный подканцлеръ сталъ спрашивать, кто ввелъ

этого хорунжаго, отвелъ Банковскаго въ сторону и сталъ его журить за это.

— Но онъ дѣльный воинъ, — защищался Банковскій, — пользуется большимъ влияніемъ, а что немножко иначе смотреть на дѣло, чѣмъ мы...

— Немножко! — замылся подканцлеръ.

Между тѣмъ споръ все еще продолжался; однако обычные гости Радзеевскаго сообразили, что не стоило его раздражать — и одинъ за другимъ умолкали, а Мазевскій, понявъ, что ни они ему не были рады, ни онъ совершенно не былъ нуженъ среди нихъ, взявши шапку, вышелъ.

— Ты долженъ быть осторожнымъ, — сказалъ Радзеевскій, — зачѣмъ намъ германскихъ куртизановъ и дармоѣдовъ? Намъ надо собирать вокругъ себя людей свободныхъ.

Послѣ ухода Мазевскаго, когда все утихло, Казимірскій началъ излагать, что онъ сдѣлалъ и что вообще готовилось.

Готовился цѣлый военный заговоръ противъ короля; начался онъ съ пустяковъ. Подканцлеръ въ него не вмѣшивался и только поддерживалъ добрымъ совѣтомъ, хотя принималъ въ немъ большое участіе. Все это происходило подъ бокомъ у короля и гетмановъ и какъ разъ еще въ такую минуту, когда необходима была самая строгая дисциплина.

Радзеевскій очень радовался всему этому, какъ отличному средству для достиженія вышшаго положенія.

— Безъ меня онъ не справится съ заговоромъ, одинъ я сумѣю усмирить ихъ и замазать рты; король вынужденъ будетъ просить меня объ этомъ.

Янъ Казиміръ даже и не предчувствовалъ этой опасности.

На военномъ совѣтѣ было рѣшено переправиться на другую сторону Стира, гдѣ сухія равнины давали войску возможность развернуться. Но переправа черезъ быструю, довольно широкую рѣчку, одинъ берегъ которой былъ очень крутъ, представляла немалое затрудненіе. Единственный, и то не очень крѣпкій мостъ надо было поправить и вести по нему войска въ порядкѣ и осторожно. Всѣмъ этимъ король самъ занялся съ большимъ жаромъ, такъ что гетманамъ приходилось только сдерживать его. Съ вечера объявили, чтобы нѣмецкіе королевскіе полки переправлялись первыми. Опять поднялся ропотъ,

что король больше всего заботится о нѣмцахъ, чтобы они не замочили себѣ ногъ.

На другой день сначала пѣхота, а потомъ и остальные полки, въ строго отпредиленномъ порядкѣ, переходили мостъ и занимали назначенные мѣста на зеленой равнинѣ противоположнаго берега. Король послѣ торжественнаго богослуженія всталъ на конѣ у моста и наблюдалъ за порядкомъ.

Въ эту минуту съ нимъ не было никого, кромѣ писарей, и Радзеевскій воспользовался случаемъ приблизиться къ нему. Янъ Казиміръ, правда, отвернулся, но не могъ избѣжать его.

— Государь, — проговорилъ подканцлеръ, приближаясь, — хотя мнѣ и трудно добраться до вашего величества, но я исполняю свой долгъ. Я долженъ предупредить, что въ войскѣ появилось какое-то недовольство, ропотъ. Я боюсь, какъ бы все это не вспыхнуло въ самую рѣшительную минтуу.

Король долго молчалъ.

— И никто объ этомъ не знаетъ, кромѣ васъ, панъ подканцлеръ? — спросилъ онъ.

— И до меня это дошло случайно, — возразилъ Радзеевскій.

— Я не вѣрю, что шляхта такъ мало заботится о Рѣчи-Посполитой и о своей чести, чтобы запятнать себя въ такую минуту смутами.

— Государь, шляхту надо знать, — съ презрѣніемъ сказалъ подканцлеръ, — это темная толпа, зазнавшаяся вслѣдствіе разныхъ привилегій. Каждый пустякъ можетъ увлечь ее.

Король, слушавшій все это съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, нарочно началъ давать нажамъ различныя приказанія, чтобы только прервать неприятную бесѣду.

Подканцлеръ, рассчитывавшій, быть можетъ, на испугъ и невольное вслѣдствіе этого сближеніе, видя, что Янъ Казиміръ не обращаетъ вниманія на его слова, отошелъ, сильно разсерженный. Всѣ его расчеты не удались.

— Итакъ, нужно дойти до крайности, — проговорилъ онъ про себя. — Онъ самъ подталкиваетъ меня къ мятежу.

Король, дѣйствительно, изъ отвращенія къ этому человѣку пренебрегъ самымъ совѣтомъ. Онъ подозрѣвалъ, что Радзеевскій употребилъ это средство для того, чтобы примириться съ нимъ, заслужить его прощенье, а онъ не могъ простить ему

интриги, которая оттолкнула отъ него королеву. Онъ какъ разъ старался теперь убѣдить Марію Людвику въ своей невинности и одинъ видъ этого человѣка раздражалъ его.

Черезъ три дня уже все войско расположилось на другомъ берегу. Всѣ гетманы хотѣли здѣсь ожидать непріятеля, нетерпѣливый же король хотѣлъ двинуться навстрѣчу. Съ непреодолимымъ упорствомъ требовалъ онъ этого, тогда какъ гетманы, хотя и покорно, но рѣшительно просили по крайней мѣрѣ хотъ отложить на время походъ. Это мѣсто казалось имъ самымъ удобнымъ для сраженія и лучше всего защищеннымъ, такъ какъ лѣсъ и рѣчка окружали его.

Однако, Яна Казимира было почти невозможно удержать. Въ послѣдній день, во время богослуженія, пришелъ къ королю Потоцкій и, какъ милости, просилъ подождать только одинъ день...

— Довольно ужъ потеряли мы времени на эти откладыванія да отсрочки,—воскликнулъ король.—Взгляните на собранныя здѣсь силы: пока онъ еще есть у насъ, пока онъ не разсѣялся—будемъ пользоваться. Непріятель не устоитъ противъ такого войска, какъ наше.

— Но во время похода онъ можетъ напасть на насъ въ невыгодной позиціи,—говорилъ Потоцкій.—Тамъ ужъ онъ будетъ выбирать и мы должны будемъ принять сраженіе, гдѣ онъ насъ захватитъ, а здѣсь...

Побѣжденный просьбами, король согласился подождать еще одинъ день. Однако и этотъ день сошелъ въ безпокойствіи, въ какомъ-то лихорадочномъ ожиданіи. Старые солдаты, имѣющіе особенное чутье, говорили всѣ, что битвой пахнетъ... хотя ничто о ней не говорило.

На другое утро король вскочилъ передъ разсвѣтомъ и сейчасъ же отдалъ приказаніе, чтобы часть войска немедленно выступила на Дубно... Двинулись первые полки, но только что они скрылись изъ глазъ, какъ прискакалъ сильный отрядъ, посланный на рекогносцировку, извѣщая, что къ нимъ приближается Богунъ съ 30,000 казаковъ и туча татаръ.

Гетманъ едва успѣлъ вернуть выступившіе полки и въ одно мгновеніе весь этотъ спокойный муравейникъ задвигался, закипѣлъ и новая жизнь вступила въ него.

IV.

Разстаться съ лагеремъ и лагерной жизнью было сначала тяжело Дызмѣ; онъ прощался и возвращался къ Ксензкому, который покручивалъ усь и приговаривалъ:

— Да поѣзжай же! Какая ты баба! Поѣзжай и возвращайся.

Когда тишина полей и лѣсовъ заглушила за нимъ шумъ лагерной жизни, трубы, ржанье лошадей и скрипъ воевъ, Стжембошъ почувствовалъ сначала сильное изнуреніе; онъ дремалъ, сидя въ сѣдлѣ и даже раза два, когда его пугливый конь бросался въ сторону, чуть не упалъ; потомъ, протеревъ глаза, онъ сталъ насвистывать, любоваться деревенской весной, которой давно не видалъ, наконецъ передъ глазами его начали проноситься воспоминанія о Варшавѣ: Біанка, замокъ, товарищи, придворная жизнь, прогулки по городу... какая-то новая сила противъ воли уносила его въ Варшаву. Чѣмъ больше онъ теперь торопился, тѣмъ больше время казалось ему такимъ долгимъ, дни безъ конца, а конь лѣнивымъ.

Стжембошъ ѣхалъ такъ быстро, что хотя подканцлерша значительно опередила его, онъ нагналъ ее около Варшавы и на послѣднемъ ночлегѣ, узнавъ, что она ѣдетъ очень недалеко впереди его, поспѣшилъ, чтобы приладиться къ ея двору. На слѣдующей же стоянкѣ Дызма, котораго король не разъ посылалъ къ Радзеевской и котораго она хорошо знала, приказалъ доложить ей о себѣ. Въѣдъ у него было письмо. Его приняли немедленно. Въ дорожномъ платьѣ, но даже и въ дорогѣ со вкусомъ и роскошно одѣтая, Радзеевская задумчиво сидѣла на простой табуреткѣ, прикрытой только подушкой. Прекрасное лицо ея носило на себѣ ясные слѣды перенесенныхъ мученій, выплаканныхъ слезъ и заботъ, которыя ее томили.

— Откуда-же это вы здѣсь явились?—спросила она кроткимъ голосомъ.

— Король послалъ меня въ Варшаву съ разными интимными порученіями,—проговорилъ Дызма, вынимая бумаги.— У меня и къ вамъ есть письмецо.—Говоря это, онъ подаль

ей письмо, запечатанное частной печатью короля, которое Радзеевская быстро схватила, слегка покрасивъ, но потомъ раздумавъ, не читая, положила около себя на столъ. Она съ безпокойствомъ начала спрашивать его, когда онъ выхалъ изъ лагеря, и что тамъ слышно?

Стжембошъ рассказывалъ, довольно сдержанно отзываясь о подканцлерѣ, хотя она съ явнымъ недоброжелательствомъ вышывала всѣ замыслы послѣдняго.

— Непріятеля мы еще не видали, — отвѣчалъ онъ: — но каждый день въ лагерь приводятъ плѣнныхъ, и навѣрное вся эта туча производитъ теперь опустошенія возлѣ Дубна и Ольши, а быть можетъ и ближе. Король хочетъ идти имъ навстрѣчу, Потоцкій и Калиновскій удерживаютъ, потому что подъ Берестечкомъ отличное поле и для лагеря и для сраженія другое такое мѣсто трудно найти. Все-бы хорошо было, потому что и силы все новыя постоянно прибавляются, — докончилъ Стжембошъ, — если-бы не ропотъ и не ссоры, такъ часто происходящія среди ополченія.

— О! это легко было предвидѣть, — живо возразила она, закусывая губы. — Много есть такихъ, которые всегда сѣютъ ссоры и несогласія, а тѣмъ болѣе, что здѣсь это такъ легко. Бѣдный король!

— До сихъ поръ, — прибавилъ Стжембошъ, — онъ стойко держался и такъ дѣятеленъ, какимъ его никто никогда не видалъ. Но развѣ это поможетъ...

Дызма не докончилъ.

— Да, — невольно оживляясь, воскликнула подканцлерша: — развѣ это поможетъ, когда подъ нимъ будутъ рыть ямы.

И она мрачно задумалась.

— Долго вы пробудете въ Варшавѣ? — спросила она.

— Не знаю, потому что главное, — какъ меня приметъ королева.

— Не забудьте-же зайти и ко мнѣ, такъ какъ я должна дать отвѣтъ, — прошептала подканцлерша.

Больше она ни о чемъ не спрашивала, а когда взяла въ руки письмо короля, Дызма понялъ, что ему слѣдуетъ удалиться. Онъ поклонился и вышелъ, а дворецкій подканцлерши, по ея приказанію, сейчасъ-же повелъ его угощать.

Остальная часть дороги прошла очень весело, такъ какъ Стжембошъ не могъ спѣшить на своемъ измученномъ конѣ; поэтому, онъ сопровождалъ подканцлершу и ея дворъ и чувствовалъ себя очень хорошо. Однако на послѣдней стоянкѣ Дызма не могъ удержать своего юношескаго нетерпѣнія, распростился съ подканцлершей и помчался впередъ въ Варшаву. Сердце у него сильно билось, и онъ забылъ все, что оставилъ позади себя. Онъ стыдился самого себя, но какая то могучая сила влекла его, и онъ не могъ ей противостоять. Когда вдали показались башни костеловъ и замковъ, Дызма невольно подкинулъ вверхъ шапку, привѣтствуя городъ. Въ замкѣ его прибытіе, какъ вѣстника съ поля битвы, было встрѣчено съ радостью; дали знать королевѣ. Его закидывали вопросами: гдѣ король? появился ли непріятель? не было ли сраженія? Не успѣлъ еще онъ снять свое запыленное платье и переодѣться, какъ его уже потребовали къ королевѣ.

Онъ засталъ Марію Людвику одну, прохаживающуюся по своей комнатѣ съ большимъ нетерпѣніемъ. Она выхватила письмо, спрашивая:

— Откуда?

— Изъ-подъ Берестечка...

На столѣ была разложена большая карта, королева нагнулась надъ ней.

— Здоровъ, славу Богу, и очень дѣятеленъ, — началъ Стжембошъ, — и если бы люди такъ служили ему, какъ онъ о нихъ печется...

Королева съ любопытствомъ посмотрѣла на него — и осыпала цѣлымъ градомъ вопросовъ. По нимъ видно было, какъ хорошо ей обо всемъ доносили; она уже знала о бунтѣ на Подгорьѣ и спрашивала: послали ли кого-нибудь, чтобы номѣшать его распространенію; слышала и о томъ, что Хмѣльницкій и орда уже подъ Олыкой. Стжембошъ едва поспѣвалъ отвѣчать. Сломавъ печать, она пробѣгала глазами письмо и въ то же время задавала вопросы, слушая отвѣты. Наконецъ она спросила о подканцлерѣ, и Дызма, который уже заранѣе готовился къ этому, безъ всякихъ обиняковъ началъ рассказывать, какъ онъ докучалъ и надѣдалъ королю и съ кѣмъ онъ знался. Онъ не скрывалъ, что шляхта собирается бунтовать,

давая понять, кто ее подстрекалъ. Марія Люовика сжала губы, не говоря ни слова.

— А гдѣ же эта ваша красавица, — спросила она про подканцлершу.

— Изъ лагеря ужъ давно выѣхала, — сказалъ Стжембошъ — и сегодня или завтра будетъ въ Варшавѣ.

Взоры королевы засверкали гнѣвомъ, она что-то пробормотала невнятно.

— Разстались значить! — прибавила она какъ бы про себя.

Стжембошъ все еще стоялъ у порога, такъ какъ вопросы еще не прекращались. Онъ самъ началъ говорить о томъ, какъ государь страдалъ, что долго не было писемъ изъ Варшавы, которыя гдѣ-то терялись по дорогѣ и что поэтому король присылаетъ его, чтобы онъ узналъ о здоровьѣ королевы и привезъ вѣрное извѣстіе.

На все это Марія Людовика отвѣчала молчаніемъ, не очень даже и слушая, и еще разъ замѣтила:

— Сегодня должна вернуться въ Варшаву.

Дызма не понялъ вопроса и только послѣ нѣкотораго размышленія подтвердилъ, такъ какъ онъ догналъ и перегналъ ее дорогой. Потомъ она снова начала спрашивать о войнѣ, о гетманахъ, о прибывающихъ полкахъ, о настроеніи умовъ среди шляхты. Дызма долженъ былъ удивляться памяти королевы и отличному знанію всего, что дѣлалось въ лагерѣ. Ясно было, что ей доносили объ этомъ со стороны, такъ какъ въ нѣкоторыхъ сплетняхъ замѣчалось недоброжелательство и недовѣріе къ королю. Стжембошъ защищалъ его и дѣлалъ это съ большимъ жаромъ, не щадя доказательствъ, что много ложныхъ слуховъ доходило до столицы. Королева ничего не возражала, только пронизывала своимъ взоромъ. Эти разспросы продолжались такъ долго, что наконецъ Маріи Лювикѣ доложили объ ужинѣ, и Дызму отпустили, но приказали явиться на другой день.

Только что освободившись отъ разспросовъ королевы, онъ попалъ въ руки придворныхъ, которые поджидали его въ передней и потащили съ собой. Изъ ихъ вопросовъ онъ еще больше могъ убѣдиться, какія тутъ распространялись сплетни. Его спрашивали о томъ, какъ подканцлеръ неожиданно за-

сталъ свою жену съ королемъ и о происшедшей вслѣдствіи этого ссорѣ между королемъ и Радзеевскимъ.

— Но все это позорная ложь! — воскликнулъ возмущенный Стжембошъ. — Я постоянно нахожусь при королѣ! Никогда ничего подобнаго не случалось. Не она теперь въ головѣ у короля, да и ни какая другая, есть ему о чемъ думать; онъ не досыпаетъ ночей, такъ работаетъ, а тутъ ему отплачиваютъ такой низкой клеветой! Если бы мнѣ попался въ руки негодяй, который распускаетъ такія сплетни, я бы обрѣзалъ ему языкъ!

Надъ нимъ всѣ смѣялись.

— Напрасно, не старайся, — говорили ему, — у насъ здѣсь повсюду извѣстно, что подканцлерша ради короля поѣхала отъ Краснаго Става дальше, что мужа отсылали, а она проводила вечера съ государемъ.

Стжембошъ метался какъ бѣшеный.

— Ложь, подлая, низкая ложь. Король ни разу не приблизился даже къ подканцлершѣ, не говорилъ съ ней. Мужъ тащилъ ее за собой.

Дызмъ не хотѣли вѣрить.

— Хорошій пріемъ ожидаетъ ее въ Варшавѣ, — шептали придворные, — потому что, начиная съ королевы, которой она и на глаза показаться не посмѣетъ, ни одна изъ дамъ ее не приметъ.

— Но въ концѣ концовъ должна открыться ея невинность, такъ какъ это клевета, нарочно распускаемая, — говорилъ Стжембошъ.

Однако, напрасно онъ старался: не было никакой возможности разубѣдить ихъ; рассказывали разныя вымышленныя приключенія, а нѣкоторые шептали, что королева имѣла объ этомъ достовѣрныя извѣстія въ письмахъ. Для Дызмы ясенъ былъ источникъ этихъ свѣдѣній.

Наконцъ Дызма оставилъ своихъ товарищей, раздосадованный, что не могъ ихъ убѣдить. Жалко ему было подканцлерши. Онъ охотно предупредилъ бы ее объ угрожающихъ неприятностяхъ, но съ другой стороны не зналъ какъ это сдѣлать, да и не зналъ, хорошо ли ему было вмѣшиваться въ такія щекотливыя дѣла.

На другой день онъ опять отправился къ королевѣ, гдѣ на

него снова посыпались вопросы. Ясно было, что она знала обо всемъ. Королева была одного мнѣнія съ гетманами, что надо было стоять подъ Берестечкомъ и ждать и вообще находила много ошибокъ во всѣхъ дѣйствіяхъ короля.

Вывавшись оттуда какъ изъ бани, Дызма, не останавливаясь въ передней, выбѣжалъ въ городъ, прямо къ дому Бертони.

Здѣсь онъ могъ оправдаться порученіемъ короля, да впрочемъ онъ и не заботится о томъ, что старуха будетъ на него сердиться. Однимъ духомъ онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и открылъ дверь, не докладывая о себѣ, надѣясь застать Біанку одну. Но ему не посчастливилось, такъ какъ вмѣсто нея онъ засталъ старуху мать съ пожилымъ мужчиной, одѣтымъ по иностранному, въ парикъ, хотя недавно сбритые усы и бѣлая еще не успѣвшая загорѣть кожа на ихъ мѣстѣ, доказывали, что онъ нарядился въ такой костюмъ очень недавно.

Бертони приняла его холодно и безъ гнѣва; а когда онъ сказалъ, что пріѣхалъ съ войны, начала вмѣстѣ со своимъ гостемъ съ большимъ любопытствомъ разспрашивать его о новостяхъ. При этомъ случилось такъ, что она назвала незнакомца по имени и фамиліи — оказалось, что это былъ стольничій князь Массальскій. Онъ мало интересовалъ бы Стжембоша, если бы что-то не кольнуло его, что мать могла его готовить для Біанки. Онъ рѣшилъ переждать его здѣсь и добиться правды.

Панъ Массальскій сидѣлъ тоже долго, но наконецъ долженъ былъ уступить; Бертони хотѣла выпроводить вмѣстѣ съ нимъ и Дызму, но тотъ вернулся въ гостиную. Итальянка задала еще нѣсколько вопросовъ о королѣ, на которые Дызма отвѣтилъ, но у него уже вертѣлся на языкѣ вопросъ, что значилъ этотъ Массальскій.

— Самъ бы, кажется, могъ догадаться, — огрызнулась старуха, — что не для меня же онъ сюда ходитъ... для Біанки. Онъ въ нее влюбленъ и хоть родня и не позволяетъ ему жениться на мѣщанкѣ, но онъ навѣрное никого не послушаетъ Стжембошъ даже подпрыгнулъ.

— Хорошее же счастье готовите вы своей дочери съ этимъ тарымъ грибомъ! — вскричалъ онъ. Совѣтую вамъ только ни-

чего не затѣвать, не извѣстивъ короля, а то того и гляди нарветесь на его немилость.

— Пожалуйста, безъ нравоученій, — гордо отвѣчала итальянка.

— А принуждать Біанку, — воскликнулъ Дызма.

— Мнѣ вовсе не надо ее принуждать — проговорила итальянка, — у нея у самой достаточно ума. Король также не желаетъ встать ей на дорогѣ къ счастію. Стало быть, все дѣло стало за родней, — но я выхлопочу у Венеціанской республики древнее дворянство для Бертони... и — поставлю на своемъ.

Какъ безумный слушалъ все это Стжембошъ... Онъ все еще затягивалъ свое посѣщеніе, надѣясь, что, быть можетъ, ему удастся увидѣть Біанку и убѣдиться въ томъ, какъ она принимала новаго претендента; но старуха объявила ему, что дочери нѣтъ дома.

— Напрасно ты будешь трудиться и на будущее время, голубчикъ, — прибавила она, — для тебя ея никогда не будетъ дома... Выбей это себѣ изъ головы.

— Посмотримъ! — со злостью воскликнулъ Дымза, выходя.

Сойдя внизъ, онъ долго стоялъ у дома, какъ бы окаменѣвшій, съ разбитымъ сердцемъ, думая, что встрѣтитъ возвращающуюся домой Біанку; но постоявъ напрасно полчаса, онъ вернулся въ замокъ, сильно взбѣшенный.

— И чего я такъ торопился! — восклицалъ онъ.

Теперь надо было прежде всего разспросить про этого Мас-сальскаго. Изъ товарищей никто ничего не могъ ему сказать.

Наконецъ одинъ старый дворецкій, оставленный королемъ для присмотра за карликами, обезьянами и попугаями, ударивъ себя рукой въ лобъ, воскликнулъ:

— Знаю! знаю!.. Онъ слабоумный... сумасшедшимъ называть его нельзя, онъ ведетъ себя очень хорошо и спокойно, но умомъ не богатъ. Родня караулитъ его, потому что разъ онъ хотѣлъ было уже жениться на мужичкѣ, потомъ на жидовкѣ. Знаютъ его здѣсь, знаютъ!

Еще болѣе возмутился Стжембошъ, узнавъ, кто такой былъ этотъ Массальскій. Для итальянки титулъ его служилъ не малой приманкой, да къ тому же у князя сохранились еще остатки отъ прежняго богатства — имѣнье въ Бѣлоруссіи, ко-

торое могло быть очищено отъ долговъ. Старой Бертони Стжембошъ вовсе не удивлялся, но своей Біанкѣ, дѣвушкѣ, сердцу которой онъ такъ вѣрилъ! Онъ не понималъ того, что одна и таже кровь текла въ жилахъ матери и дочери и что вѣтренная дѣвченка если флигарно улыбалась ему, ласково его принимала, то и къ другимъ относилась такъ же. Старый Массальскій, который ради нея нарядился по европейски и надѣлъ парикъ, смѣшилъ ее, но его княжескій титулъ прельщалъ ее, да и вліяніе матери не могло остаться безплоднымъ.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Дызма все бродилъ вокругъ ихъ дома, надѣясь встрѣтить Біанку, онъ съ отчаяніемъ въ душѣ, не зная, что дѣлать, вторично явился къ Бертони. Она приняла его съ явнымъ неудовольствіемъ и спросила на самомъ порогѣ:

— Чего ты еще хочешь отъ меня?.. чего?.. Не шляйся понапрасну, ничего не добьешься.

— Но, ради Бога!—воскликнулъ Дызма въ отчаяньи.—У тебя нѣтъ никакого материнскаго чувства, чтобы отдать свою дочь этому безумцу! Весь свѣтъ про него говоритъ, что онъ слабоумный, что у него вовсе нѣтъ ума.

— А я могу тебѣ только пожелать столько ума, сколько у него осталось, — вскричала итальянка.

— Король—опекунъ панны Біанки, — продолжалъ Дызма.— Вы думаете, ему пріятно будетъ, когда онъ узнаетъ обо всемъ этомъ? Онъ откажется и отъ васъ, и отъ нея: за это я могу вамъ ручаться.

Бертони иронической улыбкой встрѣтила эту угрозу.

— Это наше дѣло, — проворчала она. — Только ужъ ты-то не суйся въ опекуны. Съ королемъ я сумѣю поладить; не такой онъ страшный, какъ вамъ кажется.

Дызма нарочно вызывалъ голосъ, надѣясь этимъ способомъ вызвать дѣвушку, чтобы хоть взглянуть на нее; но ея не было дома, или не хотѣла показываться—не вышла. Между тѣмъ пришелъ Массальскій, Дызма ушелъ.

Онъ боялся, что королева поспѣшитъ съ письмами и отправить его прежде, чѣмъ ему удастся повидаться съ Біанкой. Это приводило его въ такое отчаяніе, что онъ по цѣлымъ днямъ дежурилъ у ихъ дома и забылъ даже провѣдать под-

канцлершу. Когда это пришло ему въ голову, онъ немедленно отправился къ ней во дворецъ. Здѣсь онъ засталъ все въ такомъ лихорадочномъ движеніи, какъ будто сама хозяйка опять собиралась въ дорогу. Прислуга бѣгала взадъ и впередъ, выносили сундуки, суетились, такъ что ему съ трудомъ удалось добраться до Радзеевской. Онъ нашелъ ее сильно измѣнившейся, раздраженной, взволнованной, со свѣжими слѣдами слезъ на глазахъ. Однако, она повидимому сдерживалась, чтобы не выдать себя передъ мало ей знакомымъ человѣкомъ. Въ комнатахъ прежде всего ему бросалось въ глаза приготовленіе къ отъѣзду. Драгоцѣнныя шкатулки, картины, зеркала, даже нѣкоторыя статуи — лежали въ кучахъ. Радзеевская, разгнѣванная и раздраженная, ходила взадъ и впередъ — она не могла даже говорить, до такой степени одолѣли ее мысли. Она даже забыла про Дызму, а онъ не осмѣлился спросить ее, не собирается ли она въ дорогу. Въ эту минуту ей доложили о приходѣ брата и она выбѣжала ему навстрѣчу, прося только Дызму передъ отъѣздомъ зайти за письмами.

— Если къ подканцлеру, — прошепталъ Стжембошъ, — то къ сожалѣнію, мнѣ невозможно будетъ ихъ принять.

Съ дикимъ смѣхомъ Радзеевская вскричала только: — Подканцлеру? отъ меня! — и вышла.

Съ тѣмъ онъ и ушелъ, понявъ только, что между супругами опять какое-то несогласіе, но не придавъ этому большого значенія, такъ какъ это случилось и раньше.

Отъ нечего дѣлать, Дызма зашелъ къ любимицѣ королевы m-lle де-Болье, которая когда-то покровительствовала ему. Она приняла его довольно весело. Ей интересно было поразспросить его и она охотно слушала его рассказы, научившись по-польски настолько, чтобы понимать этотъ языкъ. Дызма нарочно упомянулъ въ разговорѣ о бѣдной подканцлершѣ.

— Бѣдная? — подхватила де-Болье. — Не жалѣйте ея, она сама это заслужила. Можно ей было пренебрегать своей честью, но компрометировать короля въ глазахъ цѣлаго свѣта, ссорить его съ женой, тащиться за войсками, пока мужъ наконецъ насильно долженъ былъ отправить ее домой...

Стжембошъ горячо началъ защищать Радзеевскую, но де-Болье и слушать его не хотѣла.

— Подканцлерша, — прибавила де-Болье, — нашла въ Варшавѣ всѣ двери запертыми для нея, никто не принимаетъ ее, никто знать не хочетъ. Королева первая напрямикъ объявила, что не позволить ей показаться въ замкѣ. Примѣру государыни послѣдовали всѣ и, мнѣ кажется, что, кромѣ родни, т. е. двухъ братьевъ, да нѣсколькихъ самыхъ близкихъ друзей, никто ее не принимаетъ. Она хотѣла рассорить короля съ королевой и дѣйствовала съ неслыханнымъ безстыдствомъ.

Стжембошъ не могъ терпѣть.

— Ради Бога, выслушайте меня! это низкія подлые интриги и козни, жертвою которыхъ должна быть невинная женщина. Позвольте мнѣ все рассказать.

Съ недовѣріемъ согласилась она выслушать Стжембоша. Исторія съ перехваченными письмами къ королевѣ поразила ее, она немножко остыла; но соглашаясь даже на то, что Радзеевскій метилъ, она продолжала утверждать, что у него были на то причины, такъ какъ подканцлерша старалась добиться приязненности короля и т. п.

Дызма такъ долго сидѣлъ, такъ убѣдительно говорилъ, такъ просилъ, что де-Болье обѣщала ему повторить королевѣ все, что отъ него слышала, въ особенности въ защиту короля.

— Королева, — закончилъ Дызма, — слишкомъ довѣрилась этому негодяю, а подканцлеръ воспользовался этимъ, чтобы захватить все въ свои руки; но придетъ время...

— Королева вовсе не такъ слѣпо довѣряетъ Радзеевскому, какъ вы думаете, — прервала де-Болье.

Дызма еще разъ отправился во дворецъ, который и до сихъ поръ носилъ имя Казановскихъ, и нашелъ тутъ еще болѣе вѣрные слѣды какихъ-то приготовленій, которыхъ онъ не могъ никакъ понять. Подканцлерша, одѣтая почти по траурному, вся въ черномъ, со щеками, залитыми лихорадочнымъ румянцемъ, приняла его, сяди за столомъ, на которомъ лежали разбросанныя бумаги.

Упомянувъ въ разговорѣ королеву, она спросила его, видѣлъ ли онъ ее. Дызма отвѣчалъ утвердительно.

— Королева несправедлива въ отношеніи меня, — сказала она. Я знаю, что король не можетъ даже вступить за меня. У меня никого нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; единственная моя

опека—два брата: они должны мнѣ помочь. Прежде всего необходимо разойтись съ подканцлеромъ, иначе я умерла бы.

Дызма осмѣлился спросить, не думаетъ ли она куда и будь переѣхать, что онъ заключалъ изъ видѣнныхъ имъ приготовленій, но получилъ на это неопредѣленный отвѣтъ. Прощанье, подканцлерша вручила ему письмо къ королю.

— Мнѣ незачѣмъ напоминать вамъ, — прибавила она, — что письмо это вы должны вручить его величеству не иначе, какъ въ собственныя руки и съ глазу на глазъ. Достаточно было бы одного слуха объ этомъ письмѣ, чтобы снова обвинить меня въ любовной интригѣ съ королемъ... Онъ мой опекунъ, ему я всѣмъ обязана, но этой благодарностью ограничиваются наши отношенія. Люди такъ злы и безчестны.

Съ болью въ сердцѣ вышелъ отъ нея Стжембошъ. Королева все еще приказывала ему ждать, а съ Бертони и ея дочерью онъ не могъ добиться ни до чего. Наконецъ однажды рано утромъ ему удалось поймать на улицѣ дѣвушку, идущую со старой экономкой въ костель.

Бianка весело улыбалась ему, какъ и прежде.

— Ради Бога, успокой меня, — заговорилъ онъ, подскокивъ къ ней. — Мать хочетъ пожертвовать тобой и выдать замужъ за безумнаго; ты должна противиться этому. Я увѣдомлю короля.

— А!а! пожалуйста не вмѣшивайтесь въ это, — подхватила смущенная дѣвушка. — Я должна быть послушной матери. Старый князь вовсе не полоумный, а очень добрый человекъ. Онъ боготворитъ меня, преклоняется предо мною.

Стжембошъ вспыхнулъ.

— А съ нами что же будетъ? — спросилъ онъ. — Наша любовь и твои клятвы?

Бianка опустила глаза.

— Да я васъ люблю по прежнему, — прошептала она. — только... я должна слушать мать.

Дызма пришелъ въ отчаяніе. Итальянка слушала его съ наивностью ребенка. Казалось, она не могла понять, что любовь къ молодому человѣку не могла согласоваться съ выходомъ замужъ за стараго князя.

— Не могу же я изъ-за васъ вести войну съ матерью? — за-

почила она.— Это отравило бы мнѣ всю жизнь, а я хочу пользоваться жизнью. Старика я вовсе не люблю и этого вамъ можно быть достаточно.

Дызма старался добиться отъ нея по крайней мѣрѣ хоть слова и торжественнаго обѣщанья, что она не выйдетъ заужь, пока не вернется изъ похода король.

Біанка разсердилась.

— Вѣдь не я же буду назначать день свадьбы; поговори-те съ мамой.— Говоря это, она, даже не прощаясь, начала такъ быстро удаляться, что Стжембошъ едва могъ успѣть догнать ее, чтобы попросить прощенья и проститься.

Дызма былъ упрямъ. На другой день онъ снова стучался въ дверь къ Бертони; она принуждена была отворить.

— Я возвращаюсь къ войску,— сказалъ онъ входя.— Кромѣ шүтокъ, король приказалъ мнѣ узнать о васъ. Собравъ справки о стольничемъ, я объявляю вамъ отъ имени короля, что, если вы, пока мы вернемся сюда, самовольно выдадите Біанку за того старика, то ни вы, ни дочь ваша не посмѣете тогда показаться на глаза королю.

— Ты думаешь, я побоюсь этихъ угрозъ?— прервала Бертони.— Я короля знаю лучше и дольше, чѣмъ вы, и съ ребенкомъ знаю, что мнѣ дѣлать; ничьего совѣта мнѣ не надо.— И она захлопнула дверь передъ самымъ его носомъ.

У.

Человѣческая природа полна необъяснимыхъ тайнъ. Въ человѣкѣ иногда отзывается усиленный звѣрь, иногда заключенный въ тѣло духъ ангела. Какой-нибудь пустякъ, дуновение вѣтра, звукъ, дѣлаютъ изъ человѣка разъяреннаго звѣря... Такъ въ то памятное утро въ лагерѣ подъ Берестечкомъ въ одно мгновеніе поднялъ всѣхъ на ноги одинъ крикъ:

— На коней! къ оружію!

— Орда! на коней! непріятель идетъ!— кричали со всѣхъ сторонъ.

Сначала поднялось смятеніе, но громкіе голоса начальниковъ сейчасъ же привели все въ порядокъ. Никто уже не ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій; каждый зналъ, что дѣлать.

Шляхта, которая еще наканунѣ совѣщалась, какъ бы затѣять бунтъ противъ короля, устыдилась—и въ нихъ заиграла кровь.

— Ахъ, лучше ужъ разъ сразиться, да и покончить, чѣмъ здѣсь ожидать милосердія Божія, а тамъ дома некому и и овса посѣять,—кричали они.

Полки, которымъ легче всего было собраться, уже стояли на равнинѣ со знаменами, слегка развѣваемыми вѣтромъ. Кое-гдѣ болѣе предусмотрительные, распустивъ пояса, наѣдались на запасъ, потому что неизвѣстно было, когда они опять доберутся до миски. Пили—„на погибелъ“ мятежниковъ...

Король находился въ постоянномъ движеніи, объѣзжалъ полки, разговаривалъ съ ними. Теперь всѣ увидѣли, какъ это они не догадывались о приближеніи Орды, или проспали тѣ зари, которыя каждую ночь виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Теперь говорили, что уже вторую ночь на небѣ что-то горѣло вдали.

Рано утромъ Вишневецкій и Любомірскій послали разъѣзды: первый—своего казака, вѣрнаго Зараду съ 4 старыми и опытными казаками, а второй какого-то полковника, который славился тѣмъ, что никогда не возвращался съ рекогносцировки съ пустыми руками. Они привели 4 плѣнныхъ татаръ: сто тысячная орда ночевала въ двухъ миляхъ.

Когда все это происходило въ лагерѣ, неподалеку, на холмѣ слуги преспокойно косили траву для лошадей своихъ господъ, не ожидая, что кто-нибудь можетъ имъ помѣшать,—какъ вдругъ изъ-за кустовъ стали доноситься крики и показались татары. Сначала ихъ было всего нѣсколько человѣкъ, потомъ все больше. Они начали вызывать казаковъ, поддразнивать ихъ. Всякій охотно бросился бы на татаръ, но Замойскій, стражникъ коронный, по приказанію короля, настрого запретилъ выскакивать въ бой по-одиночкѣ.

Это продолжалось не долго, такъ какъ горячая молодежь, видя подъѣзжающихъ такъ близко и издѣвающихся татаръ, рвалась къ бою. Въ особенности одинъ татаринъ на пестрой лошади съ арабскимъ джеридомъ, которымъ онъ махалъ надъ головой, надоѣлъ всѣмъ. Начали просить Замойскаго, чтобы онъ позволилъ выѣхать противъ татаръ. Король позволилъ, и изъ рядовъ начали выскакивать охотники.

Въ эту минуту стоявшій около короля старый ротмистръ Клодзинскій сказалъ:

— Надо смотрѣть теперь на предзнаменованіе, потому что татары сильно въ это вѣрятъ; когда первый изъ нихъ падетъ въ битвѣ, то въ которую сторону онъ обратится лицомъ, та навѣрное проиграетъ.

Едва онъ проговорилъ эти слова, какъ этотъ наѣздникъ на пестромъ конѣ съ джеридомъ сразился съ огромнаго роста воиномъ, уже не молодымъ, который пустился на него съ обнаженной саблей и такъ ловко свалилъ его на землю, что онъ повернулся головой къ татарамъ.

Среди татаръ раздался крикъ и визгъ ужасный и со всѣхъ сторонъ начали выскакивать изъ-за кустовъ всадники, судя по вооруженію — мурзы и предводители. Но и этимъ не поспаслилось; такъ, нѣсколькихъ изъ нихъ схватили, нѣсколькихъ же ранили и убили. Со стороны татаръ стали раздаваться еще болѣе громкіе крики, и они уже не поодиночкѣ, а цѣлыми рядами устремились на войско, прямо на лѣвое крыло, по привычкѣ, такъ какъ съ этой стороны имъ удобнѣе стрѣлять изъ луковъ.

Войско, повинуваясь приказанію, все еще стояло стѣной, только вѣтеръ шелестилъ знаменами надъ ихъ головами. Сердца у всѣхъ бились, руки дрожали... къ бою. Всѣ глядѣли на короля, который стоялъ, задумавшись, какъ бы ожидая вдохновенія свыше. Вдругъ къ нему подскочилъ Конецпольскій, рыцарское сердце не могло долѣе выдержать.

— Государь, съ просьбой склоняюсь къ ногамъ вашимъ, во имя подвиговъ отца моего, позвольте мнѣ первому выступить противъ нихъ, позвольте! Дня уже прошло много, а эти дикари все издѣваются.

— Во имя Господне, панъ хорунжій, — отвѣчалъ Янъ Казиміръ, и рукой сдѣлалъ въ воздухъ знакъ креста. Здѣсь же стоявшій Любомірскій поспѣшилъ съ той же просьбой.

Едва король успѣлъ отвѣтить, какъ трубы заиграли, и полки Конецпольскаго и Любомірскаго бросились на татаръ, которые уже не кучкой, но толпой, безчисленной тьмой шли на нихъ. Но какъ объ стѣну разбились всѣ эти полчища, разъ и другой. Конецпольскій съ Любомірскимъ ни на шагъ не дви-

нулись съ того мѣста на которомъ они столкнулись съ ордой. Они не просили помощи, но не было причины оставлять ихъ однихъ на такой продолжительный, упорный бой, когда достаточно было войска для подмоги. Даже ополченіе начало рваться и кричать, чтобы имъ дали отвѣдать татарской крови. Первый бросился на помощь полевой гетманъ и съ такой силой напалъ на лѣвое крыло орды, что сломилъ его, хотя оно еще не уступало, за нимъ Іеремія Вишневецкій устремился со своими казаками и обычнымъ счастьемъ, а за полками устремилась и шляхта со своими предводителями—краковская, сандомірская, лончицкая и русская.

— Развѣ мы хуже ихъ!—воскликали они, и почти насильно заставили своихъ воеводъ двинуться впередъ.

Начинало уже смеркаться, когда на равнинѣ передъ королемъ не стали видно ни татаръ, ни смѣшанныхъ съ ними казаковъ, издали только пестрѣли по полю труны, среди которыхъ не мало было и со стороны поляковъ, но татаръ въ десять разъ больше. Можно было радоваться этому, потому что первая стычка много значить для войска, и король благодарилъ Бога и своихъ полководцевъ.

— Это еще ничего,—хладнокровно сказалъ только что вернувшійся Іеремія Вишневецкій,—это еще только начало, первая проба. Вотъ теперь, если дѣло дойдетъ до битвы, то она будетъ рѣшительная. Казаки почти не принимали участія, хоть смотрѣли и подстрекали. Завтра и послѣ завтра рѣшится все, ни спать, ни слишкомъ тѣшиться побѣдой не время. Надо быть на сторожѣ!

Въ лагерѣ разставляли стражу. Мало кто спалъ въ эту ночь, большинство просидѣли эту короткую ночь въ палаткахъ, за кубками, за бесѣдой.

Подъ утро бѣглый отъ Богуна казакъ принесъ новыя извѣстія. Онъ разсказывалъ, что сейчасъ же послѣ пораженія, когда татары отступили, ханъ послалъ за Хмѣльницкимъ, приказалъ взять его подъ стражу, и когда гетмана привели къ нему въ палатку, накинута на него.

— А, такъ ты меня надулъ! Ты головой своей попла-
тишься за это. Ты говорилъ, что у поляковъ нѣтъ силъ, что мало собрали полковъ, а ополченье не пришло. Надо было се-

годня поглядѣть на равнину и на лагерь:—ихъ тамъ цѣлыя полчища; мы ихъ не осилимъ, они перебили у насъ лучшихъ воиновъ; я лишился своихъ лучшихъ мурзъ.

У Хмѣля уже былъ приготовленъ отвѣтъ на это:

— Это все ничего. Постой: разсѣятся всѣ эти полчища, потому что они долго выдержать не могутъ. Пока у нихъ всего вдоволь, они держатся; но какъ только появится голодъ, недостатокъ, они перессорятся между собой и бросятъ короля. Развѣ ты не знаешь, что три дня тому назадъ ужъ нѣсколько полковъ повздорили съ королемъ и ушли: то же будетъ и съ другими...

Радзеевскій тоже не бездѣйствовалъ. Въ военный совѣтъ его не приглашали, да онъ и не пригодился бы тамъ, и кромѣ того не имѣлъ права.

Это было его рукъ дѣло, что три полка разошлись по домамъ, а теперь, съ завистью глядя, какъ всѣ тѣсняются къ королю, даже старый Потоцкій и Вишневецкій, онъ бѣгалъ отъ одной кучки къ другой, говоря всѣмъ, что король, совершенно неопытный въ военномъ дѣлѣ, былъ слишкомъ самоувѣренъ и упрямствомъ своимъ могъ погубить Рѣчь Посполитую. Человѣкъ ловкій, онъ нашелъ подтвержденіе своихъ словъ въ томъ, что если бы не гетманъ Потоцкій, который, заставъ короля въ часовнѣ, упросилъ его не трогаться съ мѣста, войско выступило бы въ тотъ день и какъ разъ пришлось бы сражаться съ казаками и татарами въ болотахъ.

День былъ ясный и свѣтлый, какъ разъ приходился праздникъ св. Петра и Павла, когда у короля снова собрался совѣтъ, на который просился и Радзеевскій, не для того, чтобы принести ему что-нибудь, но чтобы вынести оттуда что-нибудь полезное для себя.

Іеремія Вишневецкій, который хорошо зналъ татарскую натуру, говорилъ, что покуда они не начали удирать, а стояли, отъ нихъ всегда можно ожидать сильнаго и стремительнаго нападенія.

— Мнѣ кажется,—сказалъ король,—что испробовавъ вчера такъ неудачно свои силы съ нами, они навѣрное не выведутъ сегодня въ поле всѣ свои силы, а удовольствуются небольшими стычками, чтобы только тревожить насъ. Если правда то, что

казака принесъ о Хмѣлѣ, они послушаютъ его и будутъ лежать и ждать... пока...

Онъ докончилъ вздохомъ.

Калиновскій прибавилъ:

— Государь, для татаръ лежать спокойно на одномъ мѣстѣ—осаждаютъ ли они замокъ или непріятельское войско—дѣло невозможное. Они не умѣютъ долго держаться на одномъ мѣстѣ, да и не могутъ. Они проходятъ, все опустошая и истребляя какъ буря, но, будучи отбиты, такъ же быстро исчезаютъ, такъ что ихъ даже трудно догнать. Мнѣ кажется, что еще сегодня же на насъ обрушится вся эта масса.

Король стоялъ на своемъ.

— Увидите!

Однако, полкамъ приказали быть на готовѣ.

— До рѣшительнаго сраженія сегодня дѣло пожалуй еще не дойдетъ,—прибавилъ Калиновскій,—потому что еще ждутъ казаковъ, идущихъ на помощь, а они развѣ только сегодня вечеромъ будутъ здѣсь.

У короля все еще разсуждали объ этомъ, а ксендзы одинъ за другимъ служили молебны, когда дали знать о татарахъ: идутъ! Король въ одну минуту былъ на конѣ.

Первое,—у татаръ всегда самое сильное нападеніе, сопровождаемое визгомъ, крикомъ и густой тучей стрѣлъ,—полевой гетманъ выдержалъ такъ твердо, что ряды даже не поколебались. Тутъ же стояли полки Шавинскаго, Брохоцкаго, Бресто-Кривской шляхты, которые также мужественно выдерживали нападеніе, пока Ланцкоронскій не поспѣшилъ имъ на помощь. Напоръ на лѣвый флангъ дѣйствительно былъ непреодолимый, бой ожесточенный, такъ что вскорѣ на помощь Ланцкоронскому должны были явиться и полевой гетманъ съ остатками своихъ полковъ, и князь Іеремія, и королевскіе гусары, и лучшій гетманскій полкъ Потоцкаго, и полки Собѣскихъ. Здѣсь рѣшалась участь всего войска, потому что, если бы татары сломили ряды, они всей безчисленной массой бросились бы на лагерь.

Король не могъ хладнокровно смотрѣть издали, прищиприлъ коня и помчался на лѣвый флангъ.

Четыре часа продолжался кровавый бой, и татары не только не уступали, но напирали такъ сильно, что полкъ гетмана Потоц-

каго ушелъ съ поля битвы, наполовину перебитый и даже потерялъ знамя, которое вырвали изъ рукъ хорунжаго Бжостовскаго.

Король, не терявшій его изъ виду, даже вскрикнулъ отъ боли и, хотя приставленные для охраны съ Клодзинскимъ во главѣ удерживали его, кинулся впередъ на самое поле битвы.

И это случилось какъ разъ во время, потому что часть полковъ начала было отступать, какъ вдругъ увидѣла короля въ своихъ рядахъ.

Король кричалъ, поднимая руки.

— Впередъ! впередъ! именемъ Бога и отечества заклиная васъ. Чего стоитъ жизнь со срамомъ? Обратитесь-же на неприятелей! Подкрѣпленіе идетъ: надо сломить татаръ, хотя-бы пришлось погибнуть самимъ. Я самъ готовъ отдать жизнь!

Этотъ королевскій голосъ, ободрившій всѣхъ, склонилъ перевѣсъ на сторону поляковъ. Татары пришли въ смятеніе и начали отступать. Это придало духа королевскимъ войскамъ. Казаки еще держались нѣкоторое время, поддерживая орду, но, когда та стала разбѣгаться, и они отступили...

Затрубили, чтобы полки оставались на мѣстѣ, хотя за потерянное знамя Бжостовскаго, о которомъ еще не знали, что его нашли, они готовы были кинуться въ самую пасть этой орды. Странная судьба постигла это знамя.

Бжостовскій, который несъ его, былъ человѣкъ сильный и испытанной храбрости, но въ этой толпѣ, гдѣ трудно было повернуться, у него выскользнуло изъ рукъ древко. Онъ нагнулся, чтобы не дать ему упасть, но въ эту минуту татаринъ ударилъ его саблей по спинѣ, и знамя упало на землю вмѣстѣ съ древкомъ, гдѣ его такъ истоптали лошадиными копытами, что оно стало похоже на тряпку. Бжостовскій, хотя и облитый кровью, не далъ стащить себя съ мѣста, чтобы не потерять знамени, которое потомъ невозможно было-бы найти на полѣ битвы. Поэтому онъ упалъ самъ и, истекши кровью, вскорѣ потерялъ сознаніе; что его не растоптали и не смяли—это действительно чудо. Уже горько оплакивали его утрату и потерю знамени, когда нестроевые солдаты по своему обыкновению побѣждали на поле битвы обдирать трупы. Здѣсь слуга Бжостовскаго узналъ своего барина—не по лицу или по фигурѣ, а по особеннымъ шпорамъ и, сжалившись надъ нимъ,

такъ какъ онъ еще дышалъ, принесъ его на носилкахъ въ лагерь. Поднимая его съ земли, о знамени и не думали, такъ какъ считали его потеряннымъ. Такимъ образомъ хорунжаго принесли въ палатку и уложили въ постель, и король прислалъ къ нему Баура, чтобы попытаться спасти ему жизнь. Когда его стали раздѣвать, оказалось, что онъ крѣпко держалъ что-то въ своихъ рукахъ—и это было то самое знамя, которое онъ, уже въ безсознательномъ состояніи, лежа на землѣ, подобралъ подь себя и ужъ не выпускалъ.

Это знамя, забрызганное его кровью, выпачканное грязью, оборванное, поставили передъ палаткой.

И въ эту ночь, несмотря на страшное утомленіе, въ лагерь не было отдыха.

Король въ этотъ день нѣсколько разъ вырывался изъ рукъ тѣлохранителей и съ опасностью для собственной жизни бросался въ битву, такъ что всѣ единогласно рѣшили просить его, чтобы онъ, какъ главный начальникъ, берегъ себя. Для этой цѣли избрали духовнаго—канцлера Лещинскаго, который долженъ былъ послѣ совѣта отъ имени всѣхъ обратиться къ королю съ этой просьбой.

— Государь,-- сказалъ онъ:—всѣ мы, дорожа твоей безопасностью, какъ вождя и главы, умоляемъ тебя, не становиться въ ряды сражающихся, какъ сегодня... Это не мѣсто вождя, не его дѣло: не руками, а головой долженъ онъ воевать, а голова его стоитъ тысячи рукъ. Я, духовный, подаю тебѣ отеческій совѣтъ, но и военные люди меня поддержать. Я могу подтвердить свою рѣчь примѣрами предшественниковъ. Известно, что подъ Гренвальдомъ Ягелло, предокъ вашего величества, стоялъ на пригоркѣ, и хотя и рвался въ бой, но его не пустили... И блаженной памяти отецъ твой также не принималъ самъ участія въ битвѣ съ рокошанами.

Король эти дни былъ такъ разгоряченъ, что чуть не обидѣлся на Лещинскаго за такой совѣтъ и очень сухимъ тономъ возразилъ ему:

— Отецъ мой, вы духовный, какъ вы сами это сказали, не вмѣшивайтесь-же въ рыцарскія дѣла. Я самъ знаю обязанности вождя, но бываютъ минуты, когда долженъ быть гетманомъ, а иногда бываютъ и такія мгновенія, когда сердце при-

казываетъ быть солдатомъ. Я желаю жить со своими героями и умирать съ умирающими. Пусть солдатъ видитъ вождя и короля передъ собой: это лучший залогъ побѣды. Онъ одинъ можетъ воодушевить ихъ и вдохнуть мужество въ ихъ сердца. Пуля всегда найдетъ виноватаго и такъ-же легко можетъ достать меня, если я буду стоять вдаль, какъ пощадить въ толпѣ. Въ этомъ я не могу быть послушнымъ ничьему совѣту.

Послѣ этого уже никто не смѣлъ слова сказать. Гетманъ ничего не оставалось, какъ дать ему въ тѣлохранители такихъ людей, на храбрость и разсудительность которыхъ они вполне могли положиться. Поэтому, къ его особѣ были назначены въ видѣ стражи: ротмистръ Клодзинскій, Глоговскій, стольникъ Новоградскій и Самуель Надольскій, староста Кжевскій,—больше онъ не желалъ. Въ полки-же, которые должны были стоять около короля, выбирали изъ разныхъ полковъ самыхъ лучшихъ, храбрѣйшихъ, одинъ къ одному, и команда была ввѣрена самымъ опытнымъ. Всѣ ожидали на слѣдующій день рѣшительнаго сраженія.

Одни молились и уносились мыслями домой, къ дѣтямъ и женамъ; другіе пѣли, пили и вспоминали старину—однако всѣ желали этой рѣшительной минуты, а въ особенности ополченіе, у котораго довольно было храбрости, но не хватило терпѣнія и стойкости. Здѣсь больше всего сѣялось неудовольствіе на короля и гетмановъ и лучше всего удавался подканцлеру посѣвъ, въ чемъ усердно помогать ему его безцѣнный другъ—Мартинъ Дембицкій, подचाпій сандемірскій.

IV.

Въ этотъ день рѣшительнаго боя утро было очень ясное и хорошее; вѣтеръ поднималъ пыль изъ подъ лошадиныхъ копытъ и несъ ее въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться непріятель.

На полѣ битвы, еще не вполне очищенномъ отъ труповъ послѣ двухдневныхъ битвъ, земля, изрытая лошадиными копытами, походила на свѣжую пашню.

Уже третью ночь войско почти совсѣмъ не отдыхало,

Говорили, что король третью ночь не снималъ желѣзной кольчуги. Это дѣйствительно была великая минута въ его жизни, которая могла бы рѣшить его будущую судьбу, еслибы рокъ—нѣтъ... воля Божія—не поставила преграды и не сказала:—Дальше не пойдешь!

На разсвѣтъ король исповѣдывался и приобщился и, слѣдую его примѣру, тысячи людей шли къ алтарю.

Между тѣмъ полки строились къ бою, сообразно съ планомъ, составленнымъ на военномъ совѣтѣ. Король долженъ былъ занимать середину между двумя сильными флангами. Около него и вокругъ него стояли избранные полки. Тутъ же стояли пушки и нѣмецкіе полки. За ними стояло слабое подкрѣпленіе князя прусскаго: драгуны, нѣсколько сотъ пѣхоты, полки Грудзинскихъ и Лещинскихъ, а также люди князя Карла, епископа Вроцлавскаго. Правымъ флангомъ командовалъ старый Потоцкій; тутъ стояли полки Любомірскихъ, Ланцкоронскаго, Сапѣги, Собѣскихъ и хорунжаго Конецпольскаго. Лѣвымъ крыломъ начальствовалъ Калиновскій, и съ нимъ стояли князь Доминикъ Заславскій, Острогскіе, Вишневецкій, Замойскій.

Вездѣ ополченіе ставили позади, на что нѣкоторые роптали.

Повидимому, войско имѣло очень величественный и грозный видъ, такъ какъ ханъ, въѣхавъ на холмъ,—какъ свидѣтельствовали о томъ впослѣдствіи пѣнныя,—и окинувъ взоромъ равнину, сверкающую шинаками и оружіемъ, схватился за голову и съ гнѣвомъ набросился на Хмѣля, упрекая его въ обманѣ и предвидя полное пораженіе.

Между тѣмъ со стороны поляковъ готовились къ битвѣ. Отвиновскій, который сопровождалъ короля въ качествѣ переводчика, указалъ ему на значекъ хана—три зеленыхъ лошадиныхъ хвоста, которые они называютъ бунчуками.

Вѣстовой побѣждалъ съ приказаніемъ къ Пжиемскому, подѣ начальствомъ котораго находилась артиллерія, чтобы онъ стрѣлялъ по тому мѣсту, гдѣ стоялъ ханъ, и, къ счастью, послѣ перваго же выстрѣла ядро упало недалеко отъ самого хана, убило ханскаго бунчужнаго, опрокинуло зеленый бунчукъ, и испуганный ханъ отбѣжалъ назадъ и сталъ вдали.

Чтобы придать бодрости войскамъ сразу заиграли во всѣ трубы, ударили во всѣ литавры, по всей линіи начался ору-

жейный огонь и раздалась боевая пѣснь. Съ непріятельской стороны кромѣ визга ничего не было слышно, да и тотъ не могъ заглушить шума и гула, раздававшагося со стороны ко-роля.

Почти не задумываясь, Галга и Нурединъ, татарскіе полковники, бросились на этотъ разъ не на лѣвый флангъ, а на правый, должно быть по совѣту казаковъ, которые считали его хуже укрѣпленнымъ, такъ какъ поляки знали татарскій обычай и не ждали ихъ съ этой стороны.

Чтобы придать ордѣ мужества, казаки смѣшались съ нею.

Другіе готовились напасть на лѣвый флангъ, и стоявшіе здѣсь Іеремія Вишневецкій и Денгофъ послали къ королю, прося разрѣшенія сразиться съ казаками.

Лишь только пришло разрѣшеніе, какъ Іеремія, обнаживъ саблю и махнувъ ею своимъ полкамъ, повелъ ихъ на казаковъ, за нимъ Денгофъ, такъ, что даже земля задрожала отъ конскаго топота.

Король, стоя на горкѣ, почти умоляющимъ голосомъ обращался къ проходившимъ мимо него полкамъ:

— Во имя Господне, за очаги ваши, за святую вѣру, за костелы—идите и сражайтесь, воскрешайте славу отцовъ вашихъ, которые создали эту великую, могущественную и страшную Рѣчь Посполитую! Отдадимъ жизнь за нашу честь!

И когда онъ восклицалъ такъ утомленнымъ голосомъ, повторяя постоянно: — Погибнемъ за вѣру и честь нашу! — епископъ Лещинскій, стоящій рядомъ съ святымъ крестомъ и Св. дарами, крестилъ войско и благословлялъ его:

— *Benedicat vos Deus!* (Да благодаритъ васъ Богъ!)

Знамена склонялись, трубы играли, гремѣли пушки, а изъ за тумана, окутывавшаго долину, снова всходило ясное солнце.

Между тѣмъ, на полѣ битвы уже произошло замѣшательство, такъ какъ Нурединъ, устремившись съ горы на полки Бресто-Куявскіе и Короннаго Обознаго, сломалъ ихъ своимъ напоромъ и сейчасъ же бросился налѣво, заступая дорогу пѣхотѣ, шедшей противъ казаковъ. Что происходило далѣе—въ этомъ не могли себѣ потомъ дать отчета даже сами сражавшіеся. Полки Вишневецкаго сломили казаковъ; подоспѣли татары, но и ихъ тѣснили и разбивали все новые и новые полки.

Между тѣмъ, король стоялъ почти совсѣмъ открытый, такъ какъ онъ совершенно забылъ о себѣ. Пуля разбила тутъ же стоявшій королевскій бунчукъ, вторая и третья пролетѣли мимо и одна изъ нихъ, пролетая подъ лошадью Яна Казимира, контузила его въ ногу. Его принуждены были насильно увести съ этого мѣста. Въ эту минуту, уже поздно вечеромъ, орда рѣшительно обратилась въ бѣгство. Казаки, которыхъ много было изрублено въ трясинѣ, заранѣе начавъ окапываться, укрылись за окопами.

Казаки и орда давно уже отступили, а поляки все еще стояли на мѣстѣ, ожидая какого-нибудь предательства и новаго нападенія, никто не уходилъ съ поля. Короля, которому боль въ ногѣ не позволяла двигаться, ссадили съ сѣдла, но онъ сейчасъ же упалъ на колѣни и вмѣстѣ съ окружающими сенаторами запѣлъ *Te Deum*, и гимнъ этотъ однимъ великимъ хоромъ раздался по всему полю. Приближалась ночь, люди, утомленные трехдневнымъ бодрствованіемъ и трудомъ, падали какъ мухи, гдѣ кто стоялъ, и засыпали мертвымъ сномъ; многіе даже и не почувствовали, что легли на трупахъ.

Было уже совершенно темно, когда при свѣтѣ факеловъ король, настоявшій на томъ, чтобы ночевать вмѣстѣ со всѣми на полѣ,—увидѣлъ передъ собой Стжембоша, въ дорожномъ платьѣ, промокшаго и забрызганнаго грязью.

Случилось такъ, что, торопившись съ самаго утра и прислушиваясь къ пушечнымъ выстрѣламъ, онъ только теперь могъ добраться до короля, такъ какъ весь день долженъ былъ объѣзжать и избѣгать отрядовъ бѣглыхъ казаковъ и татаръ.

Узнавъ его, король протянулъ руку и очень обрадовался.

— Давай письма! Здорова королева? Давно изъ Варшавы? Что новаго? — спрашивалъ Янъ Казимиръ и, не дожидаясь отвѣта, приказалъ подать фонарь, чтобы поскорѣй прочесть письма, каждую минуту прерывая чтеніе новыми вопросами, на которые Дызма отвѣчалъ, какъ могъ и какъ умѣлъ.

— Видишь, — наконецъ обратился къ нему король, — милосердный Богъ даровалъ намъ великую побѣду.

Разспросивши про королеву и обо всемъ, что могло его интересовать въ замкѣ, даже о своихъ слугахъ и любимыхъ животныхъ, король тревожно осмотрѣлся вокругъ, — видно было,

что ему хотѣлось еще о комъ-то спросить, но вокругъ нихъ вертѣлось много народу и все прислушивались къ ихъ разговору, такъ что онъ замолчалъ и отпустилъ Стжембоша.

Самое важное для Стжембоша было теперь отыскать Ксенз-каго; но въ этотъ день полки ушли съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они стояли въ лагерѣ, а послѣ битвы попадали, кто гдѣ стоялъ. Пробираясь между рядами спящихъ, Стжембошъ замѣтилъ какого-то человѣка съ фонаремъ, а за нимъ Венгоржевскаго, къ которому онъ и поспѣшилъ.

— Ради Бога, вы навѣрное можете мнѣ объяснить, гдѣ я могу найти дядю? Я только что вернулся, уже послѣ битвы.

Венгоржевскій устремилъ на него грустный взоръ.

— Какъ разъ и я вотъ за нимъ иду,—сказалъ онъ,—но ни найти его, ни даже разспросить про него ни у кого не могу. Я знаю, что Ксензкому захотѣлось драться и онъ бросился въ самую густую толпу, рубя направо и налево, но потомъ его ужъ никто не видалъ. Болѣе или менѣе мнѣ опредѣлили и описали то мѣсто, гдѣ онъ дрался; вотъ я и иду, пойдёмъ и ты со мной; по дорогѣ каждый трупъ надо осматривать. Боже мой, сколько нашихъ золотыхъ людей легло здѣсь изъ-за этой подлой черни!—Онъ глубоко вздохнулъ.

Дызма спросилъ, какъ Ксензкій былъ одѣтъ къ битвѣ, но старикъ не могъ этого хорошенько припомнить.

Страшная была эта ночная прогулка по полю битвы, залитому дождемъ и кровью; свѣтъ фонаря какъ-то особенно ярко отражался въ лужахъ крови. Трупы, на половину раздѣтые, нагѣ, одни лицомъ къ землѣ съ распростертыми руками, другіе съ искривленными, искаженными лицами, тамъ и сямъ поодиночкѣ и кучами лежали въ лужахъ крови. Стжембошъ, который никогда въ жизни не бывалъ на полѣ битвы, то чуть не падалъ въ обморокъ, то пылалъ местию, тогда какъ Венгоржевскій шелъ такъ спокойно, какъ будто по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ сада. Онъ шелъ съ глазами, устремленными въ землю, иногда нагибаясь, чтобы разсмотрѣть какой-нибудь трупъ, и снова поднимаясь.

Довольно долго шли они такъ; когда наконецъ старикъ остановился, оглянулся вокругъ и пробормоталъ:

— Ну, дальше ужъ навѣрное не забрался, здѣсь была самая густая толпа, здѣсь его надо и искать.

Много лежало труповъ на склонѣ холма, но больше всего татаръ; всюду открытые, стеклянные глаза и только наполовину стиснутыя губы, изъ-подъ которыхъ блестяли бѣлые зубы... Страшно было смотрѣть на нихъ. Долго шли они такъ, какъ вдругъ Стжембошъ вскрикнулъ и упалъ на землю. Тутъ же, передъ его глазами лежалъ Ксензкій, изрубленный, уже холодный, съ обломкомъ сабли въ правой рукѣ. Невозможно было ошибиться. Венгоржевскій остановился, перекрестился и началъ читать молитву. Дызма, склонившись надъ тѣломъ, расплакался какъ ребенокъ. Долгое время слышно было только его плачь и молитвы старика; наконецъ Венгоржевскій обратился къ сопровождавшему его слугѣ:

— Сдѣлайте-ка намъ носилки, да поживѣе, чтобы намъ не почевать здѣсь; топоръ у васъ за поясомъ есть, хворосту тоже довольно. Не дадимъ же мы ему лежать въ общемъ курганѣ въ неосвященной землѣ: онъ заслуживаетъ лучшей могилы и лучшей памяти.

И не только эту потерю пришлось оплакивать въ тотъ день: то и дѣло навстрѣчу Стжембошу и Венгоржевскому попадались такіе, которые или совсѣмъ не могли отыскать дорогихъ ихъ сердцу людей или находили только трупы ихъ...

Надолго остался въ памяти у всѣхъ этотъ день, потому что онъ былъ купленъ такими великими жертвами, а негодные люди сдѣлали ихъ почти бесполезными.

Опытные воины кричали о томъ, чтобы идти въ погоню, бить, рубить и воспользоваться побѣдой, — но раздавались и другіе голоса:

— Довольно имъ этой науки! Мы утомлены, столько времени провели на войнѣ, пора домой. Довольно досталось татарамъ, да и для казаковъ эта наука не пропадетъ даромъ,

Только король и Іеремія Вишневецкій все время кричали: — идти на нихъ и какъ можно скорѣе докончить начатое; иначе ни на что не пригодится пролитая кровь.

Въ ту же ночь рѣшили съ разсвѣтомъ послать въ погоню за ордой литовскихъ татаръ съ Челебеємъ-мурзой.

Памятная то была ночь, ночь на полѣ битвы, траурная и радостная вмѣстѣ съ тѣмъ, а для вождей—полная новыхъ заботъ и тревоги, потому что только неопытные солдаты могли успокоиться этой побѣдой. Правда, разбитые татары бѣжали, но казаки не только упорно держались за окопами, но каждую минуту можно было ожидать ихъ увеличенія и усиленія. Когда утренняя заря открыла глазамъ Стжембоша страшное зрѣлище, задрожалъ юноша и устыдился, что въ такую великую минуту не могъ раздѣлить со всѣми опасность и что судьба осудила его на то, чтобы уѣхать передъ битвой, а вернуться только уже послѣ нея. Еще заболѣло его сердце по дядѣ, когда, раздѣвая Ксензкого, у него на груди нашли завѣщаніе, по которому онъ все свое имущество завѣщалъ Дызмѣ. Стжембошъ сейчасъ же занялся его погребеніемъ на кладбищѣ въ Берестечкѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ перевезти его въ Ксензкую Волю, гдѣ лежали родители. Много копали здѣсь такихъ могилъ для павшихъ, но живымъ некогда было ихъ оплакивать.

Цѣлый день прошелъ въ совѣщаніяхъ и въ атакахъ на окопавшихся казаковъ, противъ которыхъ, несмотря на болота, Пжиемскій долженъ былъ вести свои пушки.

Сначала всѣхъ очень поразилъ казацкій фортель. Съ разсвѣтомъ за окопами поднялся такой веселый шумъ и гамъ, какъ будто тамъ справляли какой-нибудь праздникъ: звуки скрипокъ, лиры, сурмы, пѣсни, бубны, покригиванія доносились оттуда. Можно было подумать, что тамъ случилось что-нибудь особенно счастливое, чему всѣ такъ радовались.

Тѣ, которые не знали казацкой хитрости, встревожились, думая что къ нимъ пришла помощь или они ожидаютъ чего-нибудь радостнаго и утѣшительнаго. Только старый вождь Іеремія, который, что называется, собаку съѣлъ въ казацкихъ войнахъ, объяснилъ, что это они нарочно радовались, чтобы не показать полякамъ, какъ имъ тамъ тѣсно и страшно.

Рядомъ съ великимъ счастьемъ, какое испыталъ король въ этотъ день, рука объ руку шла и забота. Совѣщанія продолжались все время, но даже и въ такую минуту, когда всѣ бы, кажется, единодушно должны были рѣшить окончательно разбить непріятелей—даже и теперь мнѣнія расходились, и только изъ-за того, что вожди завидовали другъ другу и го-

товы были даже оказать снисхожденіе врагу, лишь бы только не дать сопернику опередить себя. Почти всѣ начальники завидовали Іереміи и его счастью, и ослабленные своей ненавистью, ставили его ни во что. Король, котораго давно старались возстановить противъ него, какъ честолюбиваго, который хотѣлъ присвоить себѣ все — и славу и власть, — началъ однако яснѣе смотрѣть на это дѣло и сближаться съ Вишневецкимъ.

На другой день къ королю пришелъ посланный съ письмомъ отъ хана. Думали, что оно написано по-татарски и поэтому послали за Отвиновскимъ, но оказалось, что оно было кое-какъ состряпано, даже безъ печати, такъ что могло возбудить недовѣріе. Гордое письмо это могъ противотать только Хмѣль. Ханъ будто-бы говорилъ въ этомъ письмѣ, что поляки обязаны своей побѣдой измѣнѣ, вызывая ихъ на новую расправу подъ Константиновъ. Отвиновскій, прочтя раза два это письмо, бросилъ его, какъ не имѣющее никакого значенія, такъ какъ было написано казаками, о ханѣ-же знали, что онъ и не думалъ о Константиновѣ и собирался выместить свои потери скорѣе на казакахъ.

Между тѣмъ Дембицкій не терялъ времени — и неудовольствіе среди шляхты возрастало съ каждымъ днемъ. Ни побѣда, ни опасность, которой подвергался король, — не помогли. Не находя другихъ обвиненій, его стали упрекать въ явномъ предпочтеніи нѣмцамъ. Но Радзеевскій, взваливъ все дѣло на плечи пріятеля, теперь уже не вмѣшивался и началъ снова разыгрывать свою роль передъ королемъ. Немало удивился Стжембошъ, когда, явившись послѣ похоронъ Ксензкаго къ королю, онъ нашелъ тамъ вмѣстѣ съ другими и подканцлера, который очень громко разсуждалъ съ королемъ и, какъ и прежде, надобдалъ ему, не отступая ни на шагъ. Король-же въ эти минуты такъ былъ счастливъ одержанной побѣдой, такъ былъ радъ всякому примиренію и согласію, что даже подканцлеру открылъ къ себѣ доступъ и не выказывалъ ему прежняго отвращенія.

Хотя Стжембошъ и привезъ королю письмо отъ пани подканцлерши, въ которомъ она навѣрное жаловалась на свою судьбу и людскую несправедливость, но, по всей вѣроятности, свѣдѣнія о Варшавѣ были не вполне достаточны, потому что

въ тотъ-же вечеръ, оставшись одинъ, король послалъ за Стжембошемъ и сталъ его разспрашивать о подканцлершѣ.

— Государь,—отвѣчалъ Дызма:—я видалъ ее два раза—она очень несчастна. Не знаю, на что она рѣшилась, потому что я не посмѣлъ разспрашивать, но во дворцѣ ихъ я видѣлъ приготовленія къ отъѣзду, или вѣрнѣе сказать—къ переѣзду, потому что все болѣе или менѣе драгоцѣнное, даже украшенія со стѣнъ, все было снято и уложено. Если я не ошибаюсь, братья подканцлерши или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ должно быть находятся при ней.

Король только слушалъ.

— Знаю я,—прибавилъ Стжембошъ:—что королева, возставленная письмами подканцлера, не приняла подканцлершу.

Выслушавъ его рассказъ, король снова спросилъ Дызму о Маріи Лювикѣ и приказалъ рассказывать себѣ о замкѣ и о ея дворѣ, такъ что Дызма осмѣлился наконецъ упомянуть и о Бертони. Онъ пожаловался на нее королю, что она принуждаетъ дочь выходить замужъ за старика Массальскаго. Услышавъ эту фамилію, король только плечами повелъ, и будь это въ другое время—непремѣнно разсмѣялся бы, но слишкомъ много горя было у него на душѣ. Онъ проворчалъ только, что баба такая же полоумная, какъ и этотъ старый хрычъ.

— Ничего изъ этого не будетъ,—прибавилъ король.—Знаю я его семью—она не допуститъ, чтобы ихъ княжескій титулъ былъ запятнанъ бракомъ съ мѣщанкой, такъ какъ этотъ титулъ представляетъ теперь все ихъ богатство.

VII.

Бѣшенно защищались казаки въ своихъ окопахъ — почти каждый день то по утрамъ, то по ночамъ дѣлая вылазки и нападая на расположенные къ нимъ ближе польскіе полки. Нѣсколько разъ имъ удавалось хорошо проучить поляковъ за неосторожность, и дерзость этой маленькой горсти лишила храбрости многихъ.

Іеремія и Ланцкоронскій хотѣли въ первый же день со всѣми силами броситься на это гнѣздо и разрушить его до

гла, но утомленное войско кричало:—Заморимъ ихъ голодомъ... Зачѣмъ рисковать, подвергать опасности нашу жизнь!

Неудовольствіе среди шляхты, съ Дембицкимъ во главѣ, росло, стали кричать, чтобы созвать „кругъ“, поставить въ кругъ короля и распустить ополченіе.

Всѣ старые солдаты понимали, что все значеніе кровавой побѣды пропадетъ, если король сейчасъ же не пустится въ погоню за ордой и казаками.

Но шляхтѣ этого уже было довольно.

— По домамъ!—кричали они.—Король не имѣетъ права насъ держать; созвать кругъ; пусть послушаетъ, а мы ему расскажемъ и покажемъ, что значить шляхта! Мы не наемные солдаты, онъ не можетъ распоряжаться нами, какъ ему вздумается.

Между тѣмъ полки гетмановъ, пановъ, магнатовъ и самаго короля, каждый день нападали на эти окопы, въ которыхъ такъ храбро защищались Дедзила и Богунъ, какъ бы ожидая помощи. Голодомъ взять ихъ было трудно, потому что у нихъ былъ выходъ и они собирали припасы со всей окрестности. Между тѣмъ на нихъ продолжали напирать, хотя до сихъ поръ безъ всякаго успѣха. Только черезъ нѣсколько дней они начали кричать, чтобы допустили къ королю ихъ пословъ.

Янъ Казиміръ приказалъ ихъ привести. Они били передъ нимъ челомъ, попрежнему во всемъ обвиня поляковъ. Они хотѣли теперь вернуться къ ~~Зборовскому~~ ^{Зборовскому} договору; но имъ отвѣчали, что они слишкомъ поздно явились съ покорностью; король потребовалъ выдачи Хмѣля и зачинщиковъ бунта, и полного подданства Рѣчи-Посполитой.

Іеремія, который отлично зналъ ихъ, сразу сказалъ, что пускаясь въ переговоры, они хотятъ только выиграть время, такъ какъ навѣрное ожидаютъ помощи.

— Подписывать съ ними договоры ни къ чему не поведетъ,—говорилъ онъ,—надо было довести ихъ до того, чтобы они принуждены были принять всѣ наши условія, не мы ихъ, а они насъ должны слушать,

Богунъ попробовалъ было незамѣтно выйти изъ окоповъ и бѣжать, но мазуры увидѣли и подняли тревогу. Тогда все войско пустилось въ погоню за казаками, выходившими изъ окоповъ,

и загнавъ ихъ вмѣстѣ съ возами въ болота, стали безжалостно рубить и топить ихъ. Но Богунъ успѣлъ вывести впередъ свои лучшіе полки и бѣжать съ ними. Оставшіеся въ окопахъ казаки, объятые ужасомъ, не успѣвъ даже ничего захватить съ собою, разбѣжались въ разныя стороны и попрятались въ болотахъ, такъ что въ окопахъ не осталось никого. Однако войско не смѣло занять ихъ, пока не убѣдилось, что тамъ не было никакой засады. Ужасное зрѣлище представилось ихъ взорамъ. Все застали они такъ, какъ оставили казаки. Впереди около самыхъ валовъ лежали и стонали недобитые поляки, съ отрубанными руками и ногами, ободранной кожей, избитые и изрубленные, у нѣкоторыхъ были выворочены внутренности, у другихъ выколоты глаза. Это возбудило въ солдатахъ такую ненависть и жажду мести, что и они никому не давали пощады и убивали всѣхъ, кого только находили въ разныхъ углахъ.

Въ шалашахъ дымились еще костры и возлѣ нихъ горшки съ борщемъ, киселемъ, саламатой и другими любимыми кушаньями казаковъ. Добыча была не велика и не богата, потому что на возахъ были только ремни, мѣшки, сермяги, полушубки, рубашки и больше ничего. За то нашлось множество всевозможнаго оружія, однихъ пушекъ 60, а что дороже всего — драгоцѣнности Хмѣльницкаго, знамена, присланныя Владиславомъ и Казиміромъ, мечъ отъ Константинопольскаго патріарха, бунчуки, печати и шкатулка съ разными бумагами.

Когда въ присутствіи короля, канцлера Лещинскаго, Отвиновскаго и многихъ другихъ, была открыта гетманская шкатулка, и добрались до его бумагъ, — всѣ были поражены. Королевскіе грамоты, привилегіи, турецкіе фирманы, татарскіе договоры, московскія грамоты, нѣмецкія — все это было ничто, въ сравненіи съ тѣми рапортами и донесеніями, какія нашлись въ этой шкатулкѣ. Хмѣльницкій имѣлъ повсюду своихъ друзей, которые доносили ему не только то, что дѣлается и говорится при дворѣ и въ покояхъ короля польскаго, но доставляли такія же донесенія со всѣхъ сторонъ, изъ Вѣны и даже изъ Рима. Теперь убѣдились даже и тѣ, которые до сихъ поръ не хотѣли этому вѣрить, что онъ, притворяющійся такимъ простакомъ, былъ гораздо хитрѣе всѣхъ тѣхъ, которые имѣли съ нимъ дѣло.

— Политикой его не побѣдишь, — сказалъ епископъ, — потому что въ ней онъ гораздо сильнѣе насъ; надо доконать его оружіемъ, иначе у насъ съ нимъ никогда конца не будетъ.

Всѣ радовались побѣдѣ, но въ особенности она пришлась по вкусу мятежникамъ, которые рѣшили въ тотъ же день воспользоваться ею. У палатокъ Дембицкаго, Казимірскаго и другихъ руководителей заговора толпилась шляхта и вездѣ слышно было только:

— *Finis laborum!* по домамъ! по домамъ! Пусть гетманы, если имъ хочется, преслѣдуютъ казаковъ, мы не пойдемъ.

Королю сначала не доносили объ этомъ, чтобы не отравлять ему радости этого дня, но на другой день подканцлеръ первый явился къ палаткѣ Яна Казиміра. Услышавъ, что король хотѣлъ какъ можно скорѣе выступить въ погоню за бѣжавшими казаками, онъ прямо заявилъ Яну Казиміру:

— Государь, нечего говорить объ этомъ, пока не удастся успокоить шляхты, она ужъ со вчерашняго дня бунтуетъ, собирается разойтись по домамъ.

Король даже вскрикнулъ отъ негодованія.

— Какъ? — воскликнулъ онъ, — и они хотятъ бросить своего вождя и короля и бѣжать? Не вѣрю, чтобы польская шляхта была способна на это.

Радзеевскій вздохнулъ съ соболѣзнованіемъ.

— Я не говорю, — сказалъ онъ, — чтобы они и исполнили это, но съ ними надо умѣть обходиться, тогда ихъ можно вести куда угодно; но сегодня у всѣхъ на устахъ одинъ крикъ „по домамъ“.

Начали сходиться другіе сенаторы, вошелъ епископъ Лещинскій, Янъ Казиміръ обратился къ нимъ.

— Послушайте, какую новость принесъ панъ подканцлеръ, — сказалъ онъ, — я не хочу вѣрить, чтобы меня могли покинуть.

Князь Доминикъ Заславскій, только что вошедшій въ палатку, мрачно проговорилъ:

— Нынче можно вѣрить во всякое зло. Слышалъ и я, что тамъ готовится, или удастся это остановить... или...

Онъ повелъ плечами, не доканчивая начатой фразы.

— Итакъ, ни во что пошла наша побѣда, такой дорогой цѣной купленная! — воскликнулъ король.

Всѣ молчали; между тѣмъ Радзеевскій обратился къ королю.

— Не хвастаюсь, но я знаю очень много шляхты, которая вѣрить мнѣ и слушаетъ меня. Я готовъ служить по мѣрѣ силъ и возможности, быть можетъ, мнѣ удастся уговорить ихъ.

— Такъ сдѣлайте же это, панъ подканцлеръ, — выѣшался епископъ Лещинскій, — вѣдь это вашъ долгъ.

Въ палатку вошелъ Любомірскій, передавая на ухо гетману Калиновскому ту же самую новость, что шляхта созывала кругъ.

— Въ этомъ ужъ нѣтъ тайны, — возразилъ Калиновскій, — давно ужъ все это готовилось, а злые люди, неизвѣстно съ какой цѣлью, развивали въ шляхтѣ чувство неповиновенія.

Всѣ нахмурились. Король стоялъ въ задумчивости, опираясь на столъ, но черезъ минуту поднялъ голову.

— Не вѣрю! — вскричалъ онъ. — У насъ всегда такъ бывало, да навѣрное всегда такъ и будетъ, что каждое предложеніе непременно встрѣтитъ недовольныхъ, кто-нибудь всегда закричитъ *vet o*, но вѣдь мы заглушимъ его, честные не дадутъ восторжествовать мятежникамъ.

— Такъ бы должно быть, — прервалъ Лещинскій, — но не всегда такъ бываетъ, потому что нѣгоды всегда громче всѣхъ кричать, а кто лучше сражается и любить родину — тотъ молчитъ.

Радзеевскій терялъ терпѣніе.

— Если они посмѣютъ открыто заговорить объ этомъ, мы тоже будемъ стараться громко кричать... и перекричать ихъ...

— Если посмѣютъ, — прервалъ Ланцкоронскій, — но развѣ вы не слышите, что они уже дерзаютъ говорить о «кругѣ».

Всѣ присутствующіе, для которыхъ этотъ «кругъ» въ ополченіи равнялся бунту, пораженные, молча переглядывались между собой. Одинъ король, казалось, меньше всѣхъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

— Кругъ? — сказалъ онъ. — А хотя бы даже и кругъ хотѣли созвать. Если будутъ меня спрашивать о позволеніи, то я конечно не запрещу, Богъ съ ними, я не сдѣлалъ ничего такого, что боялся бы отвѣтить передъ Богомъ, совѣстью и народомъ... Пусть кругъ судить.

— Государь, — сказалъ канцлеръ, — каждый изъ насъ думаетъ то-же, однако я противъ этого круга, не изъ страха,

а изъ уваженія къ королевскому сану, достоинство котораго было бы оскорблено такимъ кругомъ. Есть же вѣдь особы и мужи, которыхъ кругъ не смѣетъ ни судить, ни осуждать. Передъ Богомъ отвѣтять они, а не передъ кругомъ.

— Уваженіе къ королевскому сану, — тихо проговорилъ король, — давно уже вывелось у насъ... Пусть созываютъ кругъ, если хотять.

Радзеевскій снова заговорилъ.

— Тутъ дѣло не въ тѣхъ обвиненіяхъ и упрекахъ, которые они на васъ взводятъ, потому что это только пустыя слова. Шляхта просто хочетъ домой, и больше ничего... Надо выбить у нея изъ головы...

— Поэтому, тотъ, кто чувствуетъ себя въ силахъ сдѣлать это, — сказалъ Лещинскій, — долженъ немедленно оказать эту услугу Рѣчи Посполитой и королю. Намъ нельзя будетъ даже похвастаться побѣдой, если мы бросимъ ее только на половину начатою.

— Шляхта кричитъ, — сказалъ Лонцкоронскій, — что казаки ужъ не поднимаютъ головы...

Іеремія Вишневецкій, который стоялъ и терпѣливо выслушивалъ все это, время отъ времени поднимая глаза къ небу, должно быть не могъ ужъ дольше выдержать.

— Такъ пусть поразспросятъ насъ, — сказалъ онъ серьезно, — насъ, которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ воевали съ этимъ непріятелемъ, съ этимъ народомъ, котораго мы знаемъ и какъ слугъ, и какъ враговъ. Это не татары, которые, подобно дикимъ звѣрямъ, нападаютъ кучей и, отраженные, бѣгутъ въ разсыпную; это народъ выносливый, хитрый, ловкій, мстительный и любящій свою свободу такъ, какъ мы свою шляхетскую. Мы хотимъ покорить ихъ: для этого надо сломить ихъ, а эта разбитая кучка ничего не значить; въ десять разъ больше встанетъ завтра же подъ ружье, если только мы позволимъ имъ вздохнуть, и пойдутъ — вѣшать, рѣзать, сажать на колъ своихъ прежнихъ пановъ, потому что Хмѣль обѣщалъ имъ свободу; они примутъ московское подданство, поддадутся турку, свяжутся съ татаринкомъ, продадутъ душу самому дѣволу — лишь бы только раздавить насъ... Сегодня они помогаютъ Кіева, завтра будутъ помогать всей Руси и

укажутъ ея границы въ самомъ сердцѣ Рѣчи Посполитой... И въ такую важную минуту, когда намъ грозитъ величайшая опасность, шляхта собирается разойтись по домамъ на отдыхъ! Богъ ослѣпилъ ее!

Радзеевскій слушалъ, покручивая усь. Совѣтники, окружавшіе короля, молчали, у всѣхъ лица приняли грустное выраженіе. Янъ Казиміръ долго стоялъ молча.

— Я до конца исполню свой долгъ, — сказалъ онъ наконецъ: — и если Богъ не дозволить мнѣ довершить начатаго дѣла, да падетъ вина на тѣхъ, которые вырвутъ оружіе у меня изъ рукъ. Быть можетъ, даже потомство ихъ будетъ страдать за грѣхи предковъ.

Король медленными шагами, приподнявъ стѣнку, вышелъ въ другую половину палатки, гдѣ онъ обыкновенно молился.

Радзеевскій также вышелъ изъ палатки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки его поджидалъ Дембицкій, съ разгорѣвшимся лицомъ и блестящими глазами.

— Созываютъ кругъ! — радостно вскричалъ онъ. — Услышитъ на немъ король горькую правду, не будутъ его щадить. Шляхта будетъ теперь допекать его нѣмцами.

Подканцлеръ нагнулся къ нему.

— Не заходите только слишкомъ далеко, — прошепталъ онъ, — для меня очень важно, чтобы мнѣ удалось уговорить, убѣдить ее, успокоить и выслужиться передъ королемъ. Пусть они себѣ орутъ, но необходимо оставить дорогу къ отступленію.

Дембицкій потеръ лобъ и повелъ плечами.

— Это ваше дѣло, — сказалъ онъ, — но трудно соблюсти мѣру.

Они пошептались между собой, сѣли на коней и разѣхались въ разныя стороны.

Лагерь кипѣлъ; теперь уже никто не могъ остано¹¹вить волненія. — По домамъ! — кричали всѣ. — У короля есть своя пѣхота, Гувальды и другіе нѣмцы; хватить ему ихъ, а съ насъ уже довольно этого пренебреженія.

Даже между сенаторами начинала возрастать тоска по домѣ. Роптали.

— Король увлекается. Поручилъ-бы все гетманамъ: это

не его дѣло... Онъ готовъ держать насъ въ полѣ, пока ни одного казака не останется.

Въ тотъ же день вечеромъ король объявилъ, что хочетъ ѣхать въ Броды къ Конецпольскому, чтобы осмотрѣть крѣпость, построенную его отцомъ.

— Итакъ, онъ не перестанетъ воевать? — вздыхали сторонники мира.

Броженіе умовъ увеличивалось.

Все больше и больше слышалось голосовъ, чтобы король поручилъ все гетманамъ, а самъ уѣхалъ въ Варшаву и выпустилъ ополченіе.

Наступила ночь. Передъ образомъ Хелмской Божіей Матери стоялъ на колѣняхъ король и долго молился. Героизмъ начиналъ уже тяготить его. Еще сегодня онъ желалъ идти дальше, но утомленіе уже давало себя чувствовать.

Поднявшись съ колѣнъ, онъ покачнулся, потому что нога не совсѣмъ еще прошла, но оперся на палку и перешелъ въ другую половину палатки, гдѣ его ждалъ Стжембошъ.

— Что слышно? — спросилъ король. — Ты ходилъ по лагерю?

— Нарочно, чтобы послушать, — вздохнулъ Дызма.

— Убѣдилъ ихъ Радзеевскій? — съ ироніей проговорилъ Янъ Казиміръ. Дызма улыбнулся.

— Говорятъ, но я самъ тамъ не былъ, что онъ дѣйствительно ораторствовалъ, но съ такимъ успѣхомъ, что его перекричали, заглушили, и онъ съ позоромъ долженъ былъ удалиться.

— Это любимецъ-то шляхты, котораго она, по его словамъ, чуть не на рукахъ носила! — насмѣшливо сказалъ король.

— Я думаю, что онъ не удовольствуется этимъ, — замѣтилъ Стжембошъ, — вѣдь онъ такъ хвастался; но я сомнѣваюсь въ успѣхѣ. — И помолчавъ немного, Дызма прибавилъ:

— Непонятны пути и дорожки, по которымъ ходятъ его ножки. Его другъ и пріятель Дембицкій горланить съ шляхтой, тогда какъ подканцлеръ противъ...

Король вздрогнулъ отъ отвращенія.

— Довольно объ этомъ низкомъ человѣкѣ!

Онъ опять вернулся къ шляхтѣ, спрашивая Стжембоша, чего бы она хотѣла за то, чтобы остаться съ нимъ и съ войскомъ.

— Государь, — сказалъ Дызма, — судя по теперешнему по-

ложевию, ихъ уже ничѣмъ нельзя подкупить, потому что они не заботятся даже о своей чести.

Нахмурилось чело короля и онъ бросился на турецкія подушки, какими была окружена палатка внутри.

— Я пойду одинъ безъ нихъ,—сказалъ онъ про себя,—они почувствуютъ стыдъ и срамъ!

Мысль эта засѣла въ его головѣ.

— Да,—повторилъ онъ себѣ,—это еще послѣднее средство: они устыдятся, не покинутъ меня. Разсуждать съ ними напрасная трата времени. Пойду! пойду!

Онъ всталъ съ сидѣнья и приказалъ позвать Яскульскаго.

— Знай,—повелительно обратился онъ къ вошедшему,—и говори, если будутъ спрашивать, что—если шляхта не хочетъ, пусть идетъ куда глаза глядятъ.... Я пойду одинъ съ войскомъ!.. Понимаешь ты это? Пойду одинъ.

Между тѣмъ въ лагерѣ все кипѣло: Больше всего шумѣла шляхта Браковская и Сандомирская. Расположившись между палатками, они вытащили пустую пивную бочку, прикрыли ее ставней и сдѣлали такимъ образомъ трибуну, на которой то и дѣло появлялись ораторы. Сбоку стоялъ Дембицкій, а за нимъ Радзеевскій... Ему должны были приготовить торжественный приемъ. Довольно шляхты поилъ и кормилъ онъ: такъ что онъ былъ увѣренъ, что если они кланялись ему до пояса, когда онъ угощалъ ихъ, то и теперь послушаются одного его слова. Онъ не зналъ, что шляхта, опьяненная своей свободой, не знаетъ благодѣтелей и ни кому не кланяется.

Радзеевскій съ гордостью смотрѣлъ на эту толпу... и приготовлялся выступить противъ нея.

— Не совѣтую этого, сказалъ Дембицкій.

— Напрасно ты такъ думаешь о нихъ!—проворчалъ Радзеевскій.—Это стадо барановъ, надо только умѣть поставить себя и они пойдутъ за тобой хоть на край свѣта.

Комедія начиналась. Расталкивая шляхту и крича: тсъ, тсъ!.. слушайте!..—ворвался въ самую средину Снарскій.

— Подканцлеръ идетъ къ намъ.

Водворилась тишина, но вдругъ кто-то крикнулъ:

— Ну, такъ что-жъ? велика штука! подканцлеръ? Чортъ съ нимъ!

Нѣкоторые смѣялись, но вотъ за Снарскимъ прибѣгаетъ Казимірскій

— Братцы! Радзеевскій къ намъ ѣдетъ; вотъ кто дастъ намъ умный совѣтъ. Лстецомъ онъ никогда не былъ.

Въ это время кто-то изъ другой кучки, по примѣру перваго, крикнулъ:

— Пусть дастъ совѣтъ, только не предательскій: будемъ ему рады!

Другіе начали аплодировать.

Нѣкоторое время всѣ ждали молча, оглядываясь по временамъ, какъ вдругъ кто-то крикнулъ:

— Ёдетъ, ёдетъ.

Подканцлеръ ѣхалъ къ нимъ съ добродушнымъ, покорнымъ лицомъ, но принарядился такъ, чтобы въ немъ можно было узнать важнаго сановника. Онъ сразу почувствовалъ, что онъ сидитъ не за столомъ, не за завтракомъ: шляхта не уступала ему дороги, онъ долженъ былъ съ помощью Казимірскаго и Снарскаго пробираться въ середину. Здѣсь онъ, несмотря на свой высокій ростъ, совсѣмъ утонулъ въ толпѣ. Осмотрѣвшись вокругъ и не видя ничего, кромѣ пустой бочки со ставней онъ снялъ шапку и влѣзъ на импровизированную трибуну. Отовсюду не него были устремлены взоры — острые, пытливые — какъ будто никто его здѣсь не зналъ...

Онъ поклонился на всѣ четыре стороны.

— Милостивые паны-братцы! Услышавъ, что здѣсь идетъ важное дѣло, которое касается всѣхъ насъ, я также, какъ вѣрный сынъ своего отечества, прихожу къ вамъ дѣлить съ вами долю и недолю.

Наступило какое-то зловѣщее молчаніе.

— Эй, — выступилъ впередъ лысый, худой великанъ, — хорошо, что вы пришли: выслушайте насъ, да донесите королю... Для васъ вѣдь ухо его открыто.

— Домой мы хотимъ! — начали кричать изъ толпы.

Въ это время выступилъ впередъ Обзолскій съ Сандомира, съ рукой за поясомъ, шапкой, надвинутой на ухо. Другой рукой онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы замолчали и началъ говорить

— У насъ даже уже высохло въ жлѣткахъ отъ напрасныхъ криковъ. Рѣшено, что мы дальше не пойдемъ; на то у

короля есть войско. Мы свое сдѣлали; теперь ужъ дѣло наемныхъ солдатъ добывать по лѣсамъ и болотамъ тѣхъ, кого мы разбили и разсѣяли.

— Хочетъ король продолжать, пусть идетъ, а мы не пойдемъ...

Онъ поклонился; ему зааплодировали, и со всѣхъ сторонъ поднялись руки и раздались голоса:

— Ни шагу дальше!..

Подканцлеръ стоялъ съ минуту молча.

— Прошу у васъ слова, выслушайте меня!

— Говори, говори.

— Тяжелую жертву принесли вы отечеству, это правда, — началъ онъ, — но не стоитъ ничего дѣлать наполовину; неужели вы позволите наемнымъ солдатамъ отнять у васъ славу? Скажутъ, что шляхта ушла съ поля, а отечество спасли солдаты. Тутъ дѣло идетъ о нашей чести. Далеко идти не придется, чтобы разгромить непріятелей...

→ Ого, ого! — раздавались голоса. — Да его король подослалъ

— Я вашъ, паны братья, — продолжалъ подканцлеръ. — Кость отъ костей вашихъ, но честь наша требуетъ жертвы! Вы не оставите короля одного.

— У него есть войско... нѣмцы!...

Радзеевскій, не обращая вниманія на замѣчанія, продолжалъ свою рѣчь, употребилъ все свое краснорѣчіе и хотя его уже не прерывали, но когда наконецъ усталъ и кончилъ, онъ почувствовалъ, что и половина его не слыхала. Кричали все громче и громче. Снова выступилъ Обзолскій.

— Брось ты свою проповѣдь, — крикнулъ онъ, — насъ не проведешь! Слышали мы все это... Что сказано — то свято... Не пойдемъ!

Другой, красный какъ ракъ, оттолкнулъ его и, выскочивъ впередъ, поднесъ кулакъ почти къ самому носу Радзеевскаго.

— Что ты? подканцлеръ? А мы — простая шляхта, но мы своего доморощенного ума не промѣняемъ на твой заграничный. Деньги на войну — пусть даетъ шляхта, налоги, подати дерутъ съ нея, да наконецъ еще и кровь... Позвали — мы пошли, но надо хоть разъ положить этому конецъ!..

Поднялся такой шумъ и гамъ, столько поднялось рукъ, что

хотя подканцлеръ и возвышалъ голосъ и кричалъ, но его уже совсѣмъ не было слышно.

Ставня начала трястись подъ нимъ. Онъ все еще стоялъ, но Снарскій уже тащилъ его. Говорить было невозможно.

— Паны братья!

На него закричали.

— Слѣзай, панъ братъ!

Отъ стоявшихъ поближе до него доносилась грубая брань.

— Знаемъ мы этихъ придворныхъ! Краснорѣчія у васъ хватитъ, но такъ и жди измѣны и предательства!

Радзеевскій, постоявъ съ минуту, долженъ былъ слѣзть. Онъ до такой степени былъ раздраженъ, что не могъ даже говорить съ Казимірскимъ, который пытался утѣшать его.

Подканцлеръ еще стоялъ смущенный, когда какой-то совершенно незнакомый мужчина, рѣзко выдѣлявшійся изъ окружавшей толпы, съ нахмуренныхъ лицомъ приблизился къ нему.

— Вотъ плоды вашихъ посявовъ, — серьезно и строго проговорилъ онъ. — Вы дали прорвать плотины: вода полилась, смотрите только, какъ бы и васъ не затопила.

Подканцлеръ сморщился, такъ какъ вовсе не зналъ того, кто къ нему обращался.

— Почему же это вы меня обвиняете? — спросилъ онъ съ чувствомъ оскорбленной гордости.

— Ударьте себя въ грудь, — сказалъ незнакомецъ и, отвернувшись, затерялся въ толпѣ.

VIII.

Итакъ, готовились выступить въ походъ въ погоню за казаками, какъ распорядился король, хотя шляхта и знать ничего не хотѣла объ этомъ. Янъ Казиміръ дѣйствовалъ такъ, какъ будто ничего не зналъ о ней.

Еще вечеру по всему лагерю съ быстротою молніи облетѣла вѣсть, что король взялъ отъ казаковъ деньги. Повторяли тѣ же 300.000. Въ тотъ же день это дошло до ушей Потоцкаго и Калиновскаго. Конецпольскій, которому донесли, что Радзеевскій

повторялъ и распространялъ эту клевету, по неосторожности полетѣлъ прямо къ королю, тогда какъ другіе хотѣли скрыть отъ него это. Измѣнившееся лицо гостя поразило Яна Казимира и онъ поспѣшилъ ему навстрѣчу съ вопросомъ:

— Что опять случилось? несчастіе какое-нибудь?

Ломаю руки, началъ Конецпольскій свое обвиненіе, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Король поблѣднѣлъ, слушая его, и задрожалъ, но тотчасъ же оправился и обычное хладнокровіе вернулось къ нему.

— Я знаю, что подканцлеръ на все способенъ, — сказалъ онъ, — но я считалъ его умнѣе; потому что такую басню могъ сочинить только человѣкъ, который никогда не бывалъ при дворѣ, не видалъ людей. Она должна поражать всякаго своей несообразностью.

— Увы! — прервалъ хорунжій, тотъ, который ее сочинилъ, зналъ глупость толпы, среди которой распустилъ эту клевету. Государь! подканцлеръ...

Король махнулъ рукой.

Во все это время Радзевскій, зная, что королю донесли на него, не показывался на глаза Яну Казимиру. Онъ сидѣлъ въ своей палаткѣ, ворча и раздумывая, призывая къ себѣ Демицкаго и всю ораву крикуновъ.

Подъ вечеръ онъ не выдержалъ и побѣжалъ въ палатку канцлера Лещинскаго.

— Меня оклеветали передъ королемъ, — началъ онъ говорить канцлеру, — что будто бы я сочинилъ и распустилъ сплетню о подкупѣ. Король, конечно, радъ повѣрить этому. Да! Я повторяю эту сплетню, потому что она ходитъ изъ устъ въ уста по всему лагерю.

— Панъ подканцлеръ, — сухо проговорилъ Лещинскій, — вамъ незачѣмъ передо мной оправдываться. Мнѣ чужды всѣ эти придворныя интриги. Слуга Божій не знаетъ вашихъ дорогъ.

Радзевскій весь дрожалъ.

— Значитъ, король рѣшилъ раздражить шляхту до самыхъ крайнихъ предѣловъ: онъ выступаетъ къ Кременцу?

— Вѣря въ то, что вѣрная шляхта не погинетъ его, хотя бы ради своей собственной чести, — сказалъ канцлеръ.

Подканцлеръ разсмѣялся.

— Быть можетъ, она поступила бы такъ на другой день послѣ битвы, но теперь — поздно. Король долженъ объясниться съ ней и условиться.

Лещинскій быстро взглянулъ въ глаза говорившему и холодно сказалъ:

— Вѣдь вы же торжественно обѣщали своимъ вліяніемъ успокоить умы: вы этого не сдѣлали, и король уже потерялъ всякую надежду.

— Я этого не сдѣлалъ, — сердито крикнулъ Радзеевскій, — потому что король слишкомъ поздно поручилъ мнѣ это дѣло. Для меня нѣтъ къ нему доступа, нѣтъ у него довѣрія ко мнѣ: поэтому я и не могу ничего сдѣлать. Если бы онъ во всемъ положился на меня, сегодня дѣла стояли бы совсѣмъ иначе.

— А! а! — вздохнулъ Лещинскій, и опустилъ взоры.

Подканцлеръ понялъ, что ему здѣсь нечего больше дѣлать, и вышелъ изъ палатки.

Цѣлую ночь шляхта опять шумѣла и разошлась только подъ утро. Едва они уснули, какъ труба заиграла тревогу! Кто какъ спалъ — въ рубашкахъ, полунагіе, повскакали съ постели, думая, что непріатели напали на лагерь. Вскорѣ всѣ убѣдились въ томъ, чему сначала не хотѣли вѣрить, что войско и король выступаютъ подъ Кременецъ, предоставляя ополченіе его собственнымъ силамъ и разсудку.

Конница, пѣхота, такъ называемые нѣмецкіе полки, Пжиемскій съ пушками, вѣрные королю полки пановъ и сенаторовъ съ распущенными знаменами выступали изъ лагеря, а шляхта, протирая глаза, кляня, отчасти отъ стыда, а главное отъ большой злости, глядѣла имъ въ слѣдъ. Перепуганная шляхта стала бѣгать изъ одной палатки въ другую и кричать:

— Что? Король бросилъ насъ на закуску казакамъ! Идетъ... ей Богу... и все войско съ нимъ.

Въ одно мгновеніе всѣ были одѣты. Хотѣли послать пословъ къ королю, но дали знать, что король, выѣхавъ очень рано, былъ уже въ двухъ миляхъ отъ нихъ. Изъ пановъ сенаторовъ почти никто не остался; запоздавшіе поспѣшно убрали палатки и сѣли на коней. Одинъ только подканцлеръ не поѣхалъ за королемъ.

Изъ воеводствъ Краковскаго и Сандомірскаго Мышковскій

и князь Доминикъ, которые еще оставались съ земляками, со- звали своихъ на совѣтъ.

— Я ни передъ кѣмъ не заискиваю и никого не боюсь,— обратился князь Доминикъ къ Краковянамъ,—но что мы оста- лись здѣсь къ великому стыду нашему, такъ это правда. Ко- роля бросить такъ, не объяснившись даже, было бы очень скверно.

— И я того же мнѣнія,—прибавилъ Мышковскій.—Наши два воеводства доказали на полѣ битвы, что они не изъ тру- сости отказываются идти дальше.

По вчерашнему начали взводить на короля обвиненія, но Мышковскій заткнулъ глотки крикунамъ.

— Пустыя слова!—сказалъ онъ,—теперь надо думать, какъ бы съ честью выйти изъ этого глупаго положенія.

Князь Доминикъ прервалъ его:

— Надо отправить къ королю пословъ. Не хочетъ вся шляхта идти за войскомъ или не можетъ, но выбрать изъ своей среды нѣсколько полковъ—это можно бы сдѣлать.

Сначала слова его были приняты молчаніемъ; крикуны молча переглядывались: не пойдемъ.

— Король королемъ,—проговорилъ Мышковскій, но, если мы не будемъ оказывать почтенія королевскому сану, и настъ не будутъ уважать другіе народы. Рѣчь Посполитая не можетъ быть безъ головы.

Всѣ уже соглашались съ тѣмъ, что надо было чѣмъ-нибудь замолить короля; жертвовали 12,000 людей, остальные соби- рались разойтись по домамъ.

На другой день стали выбирать пословъ къ королю, кото- рый, осмотрѣвъ крѣпость въ Бродахъ, долженъ былъ нахо- диться въ Кременцѣ.

Рѣшено было, чтобы ѣхали староста Либускій, Владиславъ Рей, и староста городельскій Чаплицъ.

Когда послы оставляли лагерь, онъ выглядѣлъ совсѣмъ иначе, чѣмъ нѣсколько дней тому назадъ. Грустно въ немъ было и пусто; ополченіе само, по своей волѣ, не распущенное коро- лемъ, не могло разойтись, не нарушивъ закона. А что, если король настоитъ на томъ, чтобы они шли за нимъ? Бунтъ, мя- тежъ? А тутъ за спинами казаки и кругомъ трупы.

Никто не подозрѣвалъ, въ какомъ настроеніи застанутъ короля послы.

Съ остаткомъ мужества и вѣры выступилъ король къ Бродамъ. Онъ имѣлъ еще слабую надежду на то, что шляхта, изъ чувства чести послѣдуетъ за нимъ.

На другой день, когда ему дали знать, что ополченіе все стоитъ подъ Берестечкомъ, не зная, какъ распутать этотъ узелъ, Янъ Казиміръ сказалъ Конецпольскому:

— Никто не спасетъ народа, который самъ не хочетъ спастись себя. Я дѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ. Пусть Господь Богъ сжалится надъ будущимъ; у меня ужъ пропали и мужество, и всякая охота. Насильно тащить ихъ я не могу, вызывать открытый мятежъ — не хочу, Богъ съ ними... Мнѣ здѣсь ужъ нечего дѣлать. Поручу все гетманамъ. Я изнуренъ тѣломъ, но это было бы еще ничего: душа моя больна...

Съ этимъ король прибылъ и въ Кременецъ и дѣйствительно долженъ былъ отдыхать, потому что докторъ Бауръ опасался за его здоровье.

Извѣстіе о пріѣздѣ Рея и Чаплица не произвело большого впечатлѣнія на короля. Съ холоднымъ, застывшимъ лицомъ, совсѣмъ не тѣмъ, какое видѣли у него во время битвы, вышелъ онъ навстрѣчу посланнымъ, радушно, но холодно принимая ихъ. Они нашли въ немъ совсѣмъ другого человѣка. Онъ терпѣливо и кротно выслушалъ посольство.

— Вы берете будущее на свою совѣсть, — сказалъ онъ, — такъ несите же и отвѣтственность за него. Я хотѣлъ кончить войну, сразу погасить пожаръ, которому мы дали разгорѣться. — Онъ тяжело вздохнулъ. — Пусть ополченіе расходится по домамъ и дай Богъ, чтобы оно было въ безопасности отъ враговъ. Гетманы пойдутъ дальше; я уже не буду вмѣшиваться.

Милостиво, но равнодушно принятые послы, хотя и достигли своей цѣли, но возвращались опечаленные. Король разстался съ ними какъ съ чужими, не сказавъ на одного добраго слова. На другой же день разошлась вѣсть, что король все поручаетъ гетманамъ, а самъ возвращается въ столицу. Довольно было взглянуть на него, чтобы прочесть на лицѣ его апатію и изнуреніе. Къ печали присоединилась еще и болѣзнь; и король прибылъ въ Львовъ совсѣмъ больной.

Тихо, печально въѣхалъ онъ въ столицу Руси и на другой же день долженъ былъ лечь въ постель. Отправленный отсюда посолъ долженъ былъ уведомить королеву о болѣзни, необходимости отдыха и скоромъ возвращеніи въ Варшаву. Отъ письма такъ и въяло апатіей, которая очень непріятно поразила Марію Людвику. Она какъ разъ хлопотала надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать Берестецкую побѣду громкой и славной. Заграничныя газеты прославляли эту побѣду и выставляли короля героемъ. Его изображенія съ лавровымъ вѣнкомъ разошлись по свѣту.

Въ Львовѣ Янъ Казиміръ снова вернулся къ своему прежнему положенію человека утомленнаго и изнуреннаго жизнью.

Во Львовѣ его задержала болѣзнь, вызванная жарамъ. Онъ всталъ съ постели сильно изнуренный и долженъ былъ набраться силъ, прежде чѣмъ могъ двинуться въ Люблинъ.

Въ Люблинѣ Бутлеръ снова приказалъ отдыхать. Сюда пришло извѣстіе, что маленькая королевна, рожденію которой такъ радовались, умерла. Янъ Казиміръ не обнаружилъ большого горя. Письма Маріи Людвики были грустны и печальны.

Въ Люблинѣ король узналъ также и о подканцлершѣ, которая дважды просила Марію Людвику выслушать ее и дать ей возможность очистить себя отъ клеветы. Подъ впечатлѣніемъ того, что доносилъ ей Радзеевскій, королева оба раза отказала ей въ пріемѣ. Это была минута, когда, благодаря старанію своего мужа, оклеветанная Радзеевская находила всѣ двери закрытыми для нея. Въ отчаяніи, она хотѣла очистить себя по крайней мѣрѣ хоть въ глазахъ королевы. Дважды отвергнутая, подкрѣпляемая гордостью и сознаніемъ своей невинности она стала приготовляться покинуть дворецъ. Тогда, наконецъ, королева, побуждаемая скорѣе любопытствомъ, чѣмъ сочувствіемъ, приказала дать знать подканцлершѣ, что она согласна принять ее.

Радзеевская съ гордостью отказалась.

— Я дважды стучалась въ двери ея величества, — отвѣчала она, — но ихъ закрыли передо мной, и я никогда болѣе не переступлю этого порога.

На помощь подканцлершѣ, боявшейся возвращенія мужа,

прибыли оба ея брата. Послѣ совѣщанія съ ними, она приказала убирать и вывозить все, что было самое драгоценное во дворцѣ Казановскихъ.

Она вслухъ говорила о разводѣ.

Вскорѣ гнѣздо Казановскихъ, эта игрушка, которой восхищались даже всѣ иностранцы, опустѣло; остались только голыя стѣны — все было увезено отчасти въ монастырь Кларисокъ, отчасти къ подканцлершѣ. Сама она переѣхала въ монастырь Кларисокъ, которыхъ привлекла къ себѣ богатыми дарами. Это былъ первый признакъ развода.

Радзеевскій изъ подъ Берестечка не поѣхалъ прямо въ Варшаву; онъ остановился въ Крыловѣ, пробуя разузнавать объ имѣньяхъ Казановскихъ, которыми онъ считалъ себя въ правѣ управлять. Но вездѣ онъ нашелъ здѣсь братьевъ подканцлерши — Слушковыхъ, ихъ управителей и экономовъ, противъ которыхъ онъ могъ употребить развѣ только насиліе.

Все это предсказывало ему войну и именно въ такую минуту, когда онъ былъ принужденъ объявить ее и королю.

Въ покровительствѣ Маріи Людвики онъ не былъ увѣренъ; отношенія ихъ съ нѣкотораго времени охладѣли. Жалобы короля на Радзеевскаго, подтвержденныя донесеніями другихъ вѣрныхъ королевѣ лицъ, разоблачали передъ ней всѣ интриги подканцлера. Последняя клевета о подкупѣ возмутила Марію Людвику.

Король въѣхалъ въ столицу довольно торжественно, хотя надѣялся когда-то въѣхать совсѣмъ не такъ. Королева первая замѣтила въ мужѣ эту апатію, которая все возрастала, несмотря на то, что повсюду превозносили его великіе подвиги, геройство и славу.

Первыя слова его, какъ только они остались наединѣ, были взрывъ долго сдерживаемаго горя. Онъ началъ горько жаловаться королевѣ на людскую несправедливость, на шляхту, которая умѣла только кричать, а драться не хотѣла.

— Я возвращаюсь не какъ триумфаторъ, хотя на видъ мы и побѣдили, а какъ невѣрящій уже ни во что и сомнѣвающийся во всемъ.

Марія Людика, которая слушала это, не выказывала ни малѣйшаго удивленія.

— Все это я сознаю и чувствую также хорошо, какъ и

ты,—сказала она:—но мы не должны признавать себя побѣжденными. Мы должны бороться до конца.

Король молчалъ.

— Приближается сеймъ, — говорила далѣ королева: — отъ него зависитъ дальнѣйшее веденіе войны, защита страны, все, Радзеевскій, посѣть тамъ несогласіе, не дастъ ничего сдѣлать. Отъ него всего можно ожидать.

— Ты имѣешь надъ нимъ вліяніе, — прибавилъ король: — и воспользуешься имъ теперь.

— Если только не будетъ уже поздно, — задумчиво прошептала королева.

Пока это происходило въ замкѣ, Радзеевскій, извѣщенный объ опустошеніи замка, спѣшилъ въ Варшаву.

Видъ пустаго замка и голыхъ стѣнъ привелъ его въ бѣшенство. Онъ судорожно сжималъ кулаки, какъ-бы угрожая женѣ, и кричалъ:

— Итакъ, война, — открытая война! но силы неравныя. — Радзеевскій покажетъ себя, онъ не одинъ и не безоруженъ!

Когда ему говорили, что обобрали дворецъ, онъ думалъ, что увезли только самое дорогое, а между тѣмъ не нашелъ ничего, такъ что пришлось послать въ Радзеевицы за предметами первой необходимости.

На другое-же утро подканцлеръ съ крикомъ и шумомъ ворвался къ королю, требуя справедливости. Янъ Казиміръ холодно возразилъ, что не знаетъ сути дѣла и не желаетъ вмѣшиваться. Тѣмъ болѣе, что дѣло это подлежало скорѣ духовному суду, чѣмъ свѣтскому. Радзеевскій на этотъ разъ былъ особенно грубъ и дерзокъ съ королемъ: грозилъ, насмѣхался, а когда ему король отвѣтилъ презрѣннымъ молчаніемъ, онъ выбѣжалъ какъ угорѣлый, даже не попрощавшись. Прямо отъ короля онъ отправился къ папскому легату, который повидимому былъ уже приготовленъ къ его визиту. Важная осанка посла Апостольской столицы, его сила и значеніе принудили Радзеевскаго къ покорности. Итальянецъ принялъ его очень радушно. Подканцлеръ сталъ жаловаться вообще на поведеніе жены и, не смѣя прямо назвать короля, далъ понять его вину. Нунцій, казалось, никакъ не хотѣлъ этого понять.

На другой день онъ предоставилъ подканцлеру полную сво-

боду излить всѣ свои жалобы и слушалъ его съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ. На самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа, хозіинъ подаль зналъ, чтобы подали шоколадъ. Онъ хотѣлъ даже напоить подканцлера, но когда тотъ отказался, легать съ болей граціей взялъ своей бѣлой ручкой чашку и всецѣло предался этому наслажденію.

Наконецъ подканцлеръ кончилъ; нунцій поставилъ чашку, вытеръ ротъ и съ улыбкой началъ:

— Всѣмъ сердцемъ сожалею о вашемъ несчастіи, отъ души радъ-бы помочь вамъ, но въ такихъ случаяхъ церковь должна дѣйствовать очень осторожно и осмотрительно. Монастырь не можетъ отталкивать тѣхъ, которые ищутъ убѣжища въ его стѣнахъ. Жена ваша останется у Кларисокъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мы не разберемся въ бракоразводномъ процессѣ.

— Но я не допущу развода!—воскликнулъ Радзеевскій.

Нунцій смолчалъ. Здѣсь нельзя было грозить какъ королю, и послѣ долгихъ просьбъ и убѣжденій онъ долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ. Возбѣшенный, онъ въ тотъ же день заявилъ, что не пощадитъ монастырской калитки, хватить у него людей, чтобы выломать ее и отыскать жену. Необыкновенное движеніе среди его прислуги обратило всеобщее вниманіе. Узнавъ объ этомъ, встревоженная подканцлерша дала знать въ замокъ. Король, не задумываясь, приказалъ людямъ изъ своей гвардіи охранять монастырскія ворота. Думали, что одного этого будетъ достаточно, чтобы отбить у Радзеевскаго всякую охоту къ нападенію. Однако подканцлеръ, или не зная объ этомъ, или пренебрегая этимъ обстоятельствомъ, на другой день явился подъ воротами монастыря съ толпой вооруженныхъ людей. Онъ дерзко началъ требовать выдачи жены; ему отвѣчали, что подканцлерша рѣшила не выходить. Тогда Радзеевскій, крикнулъ на своихъ людей, бросился къ воротамъ, но въ ту же минуту королевская гвардія съ мушкетами въ рукахъ явилась передъ нимъ, преграждая путь, и начальникъ ея далеко не вѣжливымъ тономъ крикнулъ, что ему поручено силой отразить всякую попытку проникнуть въ стѣны монастыря.

Радзеевскій съ пѣной у рта, изрыгая проклятія, сдѣлалъ людямъ знакъ къ отступленію. Толпа народа, привлеченная лю-

бопытствомъ, смѣхомъ провожала подканцлера. Онъ вернулся въ пустой замокъ, гдѣ его ждалъ Дембицкій.

Входя дѣ въ залу, Радзеевскій дрожалъ и не могъ говорить.

Наконецъ онъ остановился передъ Дембицкимъ и, сложивъ пальцы для присяги, поднялъ руку.

— Слушай и будь свидѣтелемъ,—загремѣлъ онъ,—я присягаю: мечь ей и королю. Теперь тотъ нѣмецъ будетъ наталкиваться на меня на каждомъ шагу, я вопьюсь въ него какъ клещъ, буду сосать его какъ пиявка. Бялся нѣкогда Зебжидовскій, что лишитъ Сигизмунда королевства; я сорву съ его головы корону—отравлю ему жизнь... Зубъ за зубъ...

Онъ упалъ на лавку, задыхаясь.

— Приближается сеймъ; Дембицкій, на тебя я возлагаю свои надежды. Соберемъ со всѣхъ концовъ пословъ, которые будутъ преслѣдовать его, вырвемъ у него изъ рукъ власть... Понатится онъ мнѣ за все это. Радзеевскій кажется ему ничтожнымъ; я покажу ему, что въ этомъ королевствѣ я имѣю больше силы, чѣмъ онъ... Дорого онъ заплатитъ за свои любовныя интрижки... Голосъ у него дрожалъ.

— Узнаетъ онъ, что значить война со мной!!

IX.

Подканцлерша осталась въ монастырѣ, а между королемъ и Радзеевскимъ началась жестокая, неумолимая война. Она носила особенный характеръ, который придавалъ ей дерзкій, но расчетливый Радзеевскій. Все преслѣдованіе его заключалось въ томъ, что онъ по цѣлымъ днямъ ни на шагъ не отходилъ отъ Янъ Казимира. Должность подканцлера, хотя король избѣгалъ употребленія малой печати и вмѣсто нея приказалъ скрѣплять свои письма и даже менѣе важныя дѣловыя бумаги своей именной печатью—давала на то право Радзеевскому.

Король зналъ, что въ провинціи, при помощи Дембицкаго, одного Замойскаго и нѣсколькихъ другихъ, Радзеевскій подготавливалъ ему страшнѣйшую оппозицію на ближайшемъ сеймѣ.

Марія Людвика тщетно пробовала остановить его своимъ вліяніемъ. Его ненависть къ королю не имѣла границъ.

Какъ разъ въ это время умеръ заслуженный гетманъ Потоцкій; послѣ него оставались для раздачи: большая булава, каштелянство Краковское и староство Люблинское.

Радзеевскій сталъ кричать и разглашать всѣмъ, что ему принадлежитъ большая булава, къ которой не имѣлъ ни способности, ни заслугъ, да и вообще ни малѣйшаго права. Это было возмутительно. При той власти, какую обеспечивала большая булава, отдать ее непріятелю — значило положиться его милости или немилости — запродаваться въ неволю.

Радзеевскій рассчитывалъ, что запугалъ короля, что сдѣлался для него страшнымъ, а потому осмѣлился домогаться гетманской булавы.

Король, устыхавъ объ этомъ вскричалъ:

— Если бы даже я поплатился за это жизнью — ни за что на свѣтъ!

Всѣ, стоящіе близко къ Яну Казиміру, сама наперница королева, имѣвшая всегда такое рѣшительное влияние, возмущались этимъ требованіемъ, считая его безумнымъ.

Однако, надо было обезпечить себя со стороны сейма, чтобы онъ не былъ бурнымъ и безплоднымъ, и со стороны Радзеевскаго, чтобы онъ пересталъ наконецъ преслѣдовать короля.

Янъ Казиміръ постоянно повторялъ только, что не хочетъ видѣть его передъ собой. Поэтому Марія Людви́ка предложила въ видѣ выкупа, отдать врагу лучшія государственныя должности — каштелянство Краковское и староство Люблинское.

— Дамъ ему каштелянство, — сказалъ король, — лишь бы онъ не торчалъ у меня на глазахъ, лишь бы мнѣ его не видѣть; пусть беретъ Люблинское староство, хоть онъ и ничѣмъ не заслужилъ его: онъ вынудилъ у меня какъ Церберъ, что бы заткнуть ему глотку: пусть только убирается прочь.

Канцлеру Лешинскому поручено было сообщить это невѣроятное извѣстіе Радзеевскому.

Подканцлеръ, — вмѣсто того, чтобы съ благодарностью принять королевскую милость повидимому считалъ себя до такой степени грознымъ, что могъ требовать, чего ему вздумается, — презрительно отвѣчалъ:

— Мнѣ кажется, что я заслужилъ булаву и она мнѣ принадлежитъ, а каштеляніи я и не хочу, да и не приму.

Лещинскій даже невольно перекрестился.

— Не хочется вѣрить своимъ собственнымъ ушамъ,— сказалъ онъ.—Какія же это заслуги даютъ вамъ право на булаву? Это значило бы обидѣть другихъ... Король никогда не можетъ этого сдѣлать, потому что всѣ стали бы думать, что онъ испугался васъ.

Подканцлеръ дерзко возразилъ.

— Всякій можетъ думать, какъ ему нравится, но если король хочетъ быть спокойнымъ и за сеймъ, и за войско, то пусть мнѣ булаву, иначе я не ручаюсь, чтобы кто-нибудь смѣлъ справиться съ разъяренной шляхтой.

Канцлеръ не хотѣлъ вдаваться въ разсужденія; онъ только спросилъ:

— Вы обдумали это, панъ подканцлеръ? И такой отвѣтъ вы смѣете принести отъ вашего имени королю?

— Я не отказываюсь и не откажусь отъ него. — Гордо воскликнулъ Радзеевскій, — или булава, или ничего.

Удивленіе было великое, король остолебенѣлъ. Марія Людви́ка послала секретаря Де Нуайе, чтобы позвали къ ней Радзеевскаго.

Въ полдень подканцлеръ явился къ королевѣ, но все это вмѣстѣ дѣлало его все болѣе дерзкимъ. Ясно было, что его боялись, и надо было воспользоваться этой тревогой. Королева приняла его ласково и кротко сообщила ему о каштелянствѣ и староствѣ.

Выступить прямо съ требованіемъ булавы показалось Радзеевскому неудобнымъ, онъ уже имѣлъ заготовленное объясненіе.

— Я очень благодаренъ его величеству,—сказалъ онъ съ ироническимъ поклономъ,—но чувствуя, что я не пользуюсь его милостью и что это единственное средство избавиться отъ меня: я не хочу быть обязаннымъ этой должностью... гнѣву короля на меня.

Марія Людви́ка начала упрашивать его занять первое мѣсто въ сенатѣ Рѣчи Посполитой; подканцлеръ благодарилъ.

— Государыня!—сказалъ онъ,—я не приму его... будьте увѣрены... не могу и не приму.

Тщетно королева всячески старалась смягчить его.

На все онъ гордо отвѣчалъ:

— Не дасть мнѣ булавы—не хочу ничего!.. расправимся на сеймѣ!

Такъ тянулось нѣсколько дней. Въ продолженіе которыхъ Радзеевскій попрежнему врывался въ покои короля и надѣдалъ ему, не давая ни минуты покоя. Самый кроткій, самый слабый человѣкъ уступаетъ только до извѣстнаго предѣла. Подканцлеръ не понималъ этого и хватилъ черезъ край. Радзеевскій все стоялъ на своемъ.

Между тѣмъ со стороны короля прекратились уже предложенія и попытки къ примиренію. Всѣ ваканціи послѣ смерти германа были розданы. Подканцлеръ обосновался.

— Посмотримъ,—повторялъ онъ, совѣщаясь съ Дембинскимъ,—приближается сеймъ: расправимся мы съ королемъ.

Дѣло съ подканцлершей тянулось безъ всякой надежды на скорое окончаніе. Между тѣмъ Радзеевскій расположился во дворцѣ Казановскихъ, какъ у себя дома. Привезъ нѣсколько пушекъ, поставилъ небольшой гарнизонъ, какъ бы предчувствуя, что его будутъ выживать оттуда.

Жизнь въ монастырѣ становилась несносной для подканцлерши; она привыкла совѣмъ къ другой, свѣтской жизни. Дни казались ей безконечными, такъ какъ она не могла заполнить ихъ молитвами. Она заливалась слезами, но другого исхода не было, такъ какъ о примиреніи съ мужемъ она и слышать не хотѣла.

Братья подканцлерши, въ особенности Богуславъ, старшій, готовы были придти ей на помощь. Богуславъ, который, быть можетъ, слишкомъ полагался на короля и его протекцію, далъ сестрѣ знать о своемъ прибытіи на сеймъ, прибавляя въ письмѣ, что приведетъ съ собою кучку литовцевъ. Въ началѣ слѣдующаго года оба брата подканцлерши — Богуславъ и Сигизмундъ — прибыли въ Варшаву.

Встрѣча съ сестрой, которая вся въ слезахъ вышла имъ навстрѣчу къ монастырской калиткѣ, глубоко тронула обоихъ молодыхъ людей. Имъ казалось, что если король своей собственной гвардіей защитилъ Радзеевскую, то онъ не будетъ преслѣдовать и другія попытки къ освобожденію ея и ея имущества отъ мужа.

Съ женскоюне смотрительностью, также черезчуръ полагаясь на короля, подканцлерша находила вполнѣ естественнымъ и справедливымъ, чтобы ея братья отняли у подканцлера дворецъ, хотя бы даже и силой. Никто и не зналъ о приготовленіяхъ къ такому дерзкому шагу, потому что литвины, увѣренныя въ своей правотѣ, никогда ни съ кѣмъ не совѣтывались.

Такъ какъ около замка всегда бывало большое движеніе и оживленіе, то сначала даже и не замѣтили, какъ однажды вечеромъ оба брата съ цѣлой толпой вооруженныхъ литовцевъ бросились на дворецъ Казановскихъ. Люди Радзеевскаго были совсѣмъ не приготовлены къ бою, но весь дворъ его отличался тѣмъ, что онъ набиралъ его изъ самыхъ отчаянныхъ и горячихъ.

И вотъ во дворѣ начался бой, стрѣлянье, штурмы, добываніе приступомъ почти каждаго зданія, каждаго уголка, такъ что только послѣ шестичасовой упорной борьбы удалось Слушкамъ вытѣснить гарнизонъ Радзеевскаго и занять замокъ. Подканцлеръ былъ въ Радзивицахъ, но когда ему дали знать о случившемся, онъ бросился какъ бѣшеный, клянясь, что во что бы то ни стало отниметъ дворецъ и научить Слушковъ уму-разуму.

Сколько только было у него вооруженныхъ людей, дворни, даже охотниковъ изъ окружающей мелкопомѣстной шляхты — онъ сейчасъ же собралъ и съ этой толпой такъ быстро пустился въ Варшаву, что въ ту-же ночь съ крикомъ и выстрѣлами бросился на гарнизонъ Слушковъ. Ворота выломали легко, но въ замкѣ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Съ обѣихъ сторонъ драка была бѣшеная, яростная, отчаянная. Наконецъ литовцы Слушковъ, стрѣлая изъ пушекъ подканцлера, отбили нападеніе и удержали за собой замокъ и Радзеевскій должень былъ отступить.

Нападеніе Радзеевскаго взволновало городъ. Стрѣльба, шумъ, крики среди ночной тишины—встревожили всю столицу. Городская стража, дворы сенаторовъ—все вооружалось, какъ будто бы приближались непріатели. Никто не сомкнулъ глазъ во всю ночь; чернь толпами тѣснилась къ мѣсту происшествія, ожидая конца. Подъ утро пьяная ватага подканцлера должна была бѣжать и онъ искалъ убѣжища у Доминикановъ.

Такое открытое нападеніе подъ бокомъ у самаго короля, явное неуваженіе закона и королевскаго сана, переполняли мѣру и требовали примѣрнаго наказанія. Съ этимъ всѣ соглашались, хотя, судя подканцлера, пришлось-бы привлечь къ отвѣтственности Слушковъ и подканцлершу, вина которыхъ была одинакова... Однако этихъ всѣхъ, и Янъ Казиміръ въ томъ числѣ, хотѣли пощадить.

Король, который обыкновенно не былъ мстителемъ и даже послѣ сильныхъ вспышекъ гнѣва вскорѣ становился апатичнымъ, на этотъ разъ не далъ смягчить себя даже королевѣ. Онъ рѣшилъ избавиться отъ врага.

— Нельзя оставить безнаказаннымъ такого преступленія, — сказалъ онъ Маріи Людовикѣ: — надо разъ на всегда избавиться отъ него — во что-бы то ни стало.

Надъ головой подканцлера собиралась буря. Несмотря на его высокое положеніе, послѣ совѣщанія между сенаторами и королемъ, рѣшено было предать подканцлера маршалковскому суду. Такое дѣло могъ судить только или король или маршалковский судъ. Взяло перевѣсъ мнѣніе епископа Лещинскаго, который не желалъ допустить, чтобы король самъ былъ судьей и навлекъ на себя неудовольствіе и подозрѣніе въ несправедливости.

Радзеевскій исчезъ.

Несмотря на всю свою дерзость и нахальство, подканцлеръ почувствовалъ, что пачва колеблется у него подъ ногами, — онъ не могъ, конечно, рассчитывать ни на прощеніе короля, ни на протекцію королевѣ.

Всѣ были противъ него и ему приписывали все случившееся. Слушки также могли ожидать себѣ строгаго приговора, но, благодаря вліянію короля и стараніямъ князя Альбрехта Радзивилла, удалось смягчить смертный приговоръ. Но Радзеевскому, какъ и слѣдовало ожидать, былъ вынесенъ смертный приговоръ; его отставили отъ должности и лишили правъ и состоянія. Слушки и сестра ихъ отдѣлались только штрафомъ и тяжелымъ заключеніемъ.

Отнимая у него всякую надежду на прощеніе, король роздалъ подканцлерство и всѣ оставшіяся послѣ него ваканціи. Свергнутый съ той высоты, на которой онъ столько времени

съ такимъ нахальствомъ держался, принужденный спасать жизнь — онъ долженъ былъ бѣжать за границу.

Сначала онъ бѣжалъ въ Вѣну, но истрѣтивъ здѣсь холодный пріемъ и потерявъ печать, которую было захватилъ съ собой (впослѣдствіи ее нашли у жида) онъ отиралился въ Швецію. Мстительный, непреклонный, онъ вѣхалъ въ Швецію, строя козни. Изъ-за него началась несчастная война, которая чуть было не столкнула въ пропасть всю Рѣчь Посполитую. Опустимъ занавѣсъ надъ жизнью этого негодяя...

Это была несчастная минута Божьяго гнѣва, когда смуты и мятежи постоянно усиливались, когда войска возставали противъ гетмановъ, а тѣ противъ короля, а какой-нибудь одинъ Слупинскій, посолъ упитскій, однимъ своимъ veto срывалъ сеймъ. Во время всей этой страшной драмы, умерла сначала королевская дочка и родился сынъ, но и имъ недолго тѣшились родители.

Марія Людви́ка среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ сохраняла твердость и непоколебимость — она одна до конца сохранила всю энергію своего характера. Рядомъ съ ней стоитъ Янъ Казиміръ, увѣнчанный за побѣду подъ Берестечкомъ лаврами, которые скоро завяли, — безсильный, не довѣряющій самому себѣ, перешедшій въ дѣтство.

Оставшись на службѣ при королѣ, бойкій Стжембошъ, который хотѣлъ быть рыцаремъ и отличиться, такъ какъ у него было все, что только необходимо человѣку, чтобы добиться славы, — съ годами придворной службы опустился, растолстѣлъ, отяжелѣлъ и даже уже самъ ничего не ждалъ отъ себя. Иногда онъ со вздохомъ вспоминалъ предсказанія покойнаго Ксензкаго, да было уже поздно.

Правда, онъ вѣрно и честно служилъ своему государю, и король не могъ безъ него обойтись.

Сейчасъ же послѣ возвращенія въ Варшаву, Стжембошъ побѣждалъ къ итальянкѣ. Онъ боялся какъ бы старуха не выдала Біанки за старика. Массальскаго, правда, онъ уже не нашелъ, такъ какъ родные оттянули его и увезли, доказывая,

что Бертони колдунья,—но вмѣсто него тамъ былъ какой-то вдовецъ староста. Онъ уже обручился съ Біанкой, а дѣвушка все смѣялась, не придавая этому никакого значенія.

Дызма упалъ къ ногамъ короля, обѣщаясь вѣрно служить ему до самой смерти, лишь бы только онъ помогъ ему. Янъ Казиміръ былъ отъ этого не прочь. Онъ сейчасъ же приказалъ позвать мать. Бертони явилась надутая, такъ какъ она не могла простить королю, что онъ забылъ ее. Привыкши къ фамильярному съ нимъ обращенію, она стала съ нимъ яростно спорить, что очень забавляло короля. Онъ топалъ ногой, грозилъ, но смѣялся. Прислуга, слушая подъ дверями, тоже покатывалась со смѣху. Съ полчаса продолжался этотъ споръ, подъ конецъ котораго Бертони прямо заявила, что пока она жива, не отдастъ дочь за лакея.

— Такъ убирайся же вонъ и не смѣй показываться мнѣ на глаза! — крикнулъ король, уходя.

Дызма ходилъ какъ убитый, хотя король и товарищи стали утѣшать его тѣмъ, что онъ легко найдетъ себѣ другую. Такъ продолжалось около года, затѣмъ онъ сказалъ себѣ, что онъ хочетъ и долженъ объ ней забыть.

Когда затѣмъ онъ вмѣстѣ съ королемъ вернулся въ Варшаву, однажды Дызма увидалъ, къ великому своему удивленію, входящую Бертони, которая поздоровалась съ нимъ безъ всякаго гнѣва—очень ласково...

Стжембошъ остолбенѣлъ.

Она спросила о королѣ, онъ доложилъ о ней и Янъ Казиміръ приказалъ ее принять. Дызма, хотя и долженъ былъ выйти, приложилъ ухо къ двери и слушалъ, какъ Бертони жаловалась на свою несчастную судьбу и наконецъ объявила со вздохомъ, что готова была исполнить волю короля и выдать дочь хоть за Стжембоша. Стжембошъ не могъ понять, что случилось.

Причина этой перемѣны, какъ потомъ оказалось, заключалась въ томъ, что итальянка дала старостѣ для поправленія его дѣлъ значительную сумму безъ всякой росписки, а того такъ растерзалъ на охотѣ медвѣдь, что его привезли домой мертвымъ. Семья и слышать не хотѣла объ уплатѣ долга, Бертони жаловалась въ трибуналъ и проиграла. Это разорило ее.

Поэтому она должна была какъ-нибудь пристроить дочь, у которой было много обожателей, но все голые.

Дызма сейчас же помчался на Старое Мѣсто, какъ будто передъ нимъ открылись двери рая. Все время, остававшееся у него отъ службы, онъ проводилъ здѣсь, Біанка была очень любезна, но каждый разъ онъ заставлялъ тамъ одного или нѣсколькихъ обожателей, съ которыми она также ласково обращалась. Стжембошъ началъ съ того, что двухъ изрѣзаль, а одного такъ избилъ, что тотъ потомъ двѣ недѣли долженъ былъ сидѣть дома. Въмѣсто признательности за такую любовь, Біанка начала на него коситься. Стжембошу это наконецъ надоѣло и разъ, вернувшись во дворецъ, онъ сказалъ себѣ:

— Не пойду больше туда: эти обожатели ей дороже чѣмъ я—съ Богомъ!

Дня черезъ два старая Бертони явилась съ жалобой къ королю, который уже обо всемъ зналъ, что Дызма завлекъ ее дочь и почти обманулъ.

Позвали преступника.

— Я никого не обманывалъ, — смѣло сказалъ онъ, — но барышня любить обожателей, которыхъ у нея такъ много, а я хочу имѣть жену для себя.

Король смѣялся, это его забавляло. Итальянка сначала расплакалась, потомъ разсердилась и стала ругаться. Король пробовалъ помить ихъ, предлагалъ сдѣлать имъ приданое, устроить свадьбу, но Дызма не хотѣлъ. Да и время было тяжелое, — приходилось покидать столицу.

Когда послѣ нашествія шведовъ они вернулись въ Варшаву и нашли тамъ развалины, Стжембошъ забылъ уже и думать о ней.

Старой Бертони уже не было на свѣтѣ, а Біанка носила трауръ — по мужѣ. Мать выдала ее замужъ за нѣмца, военного, котораго убила потомъ шведская пуля.

Ему стало жалко Біанки, которая осталась одна, безъ всякой опѣки, въ долгахъ. Она была еще красива, но прежняя ея вѣтрениость измѣнилась теперь въ набожность, такъ что она поговаривала даже о монастырѣ. Дызма по старому знакомству сталъ навѣщать ее, раздумывая, не жениться ли на вдовѣ.

Опять открылся королю. Король не очень то хотѣлъ его женитьбы, боясь, что Дызма, женившись, забудетъ и о немъ.

— И зачѣмъ тебѣ эта жена?—говорилъ онъ,—только лишняя обуза. Ты ужъ и постарѣлъ... да и она овдовѣла...

Дызма, наперекоръ королю пожелалъ попробовать брачной жизни и женился. Женѣ поручили въ замкѣ надзоръ забѣль-емъ, чтобы она могла не разлучаться съ мужемъ.

Король часто видѣлся съ ней, и такъ какъ она была очень рѣшительная, то скоро приобрѣла надъ нимъ такую же власть такъ и мужъ; вдвоемъ они дѣлали съ королемъ, что хотѣли. Когда наконецъ Янъ Казиміръ, не уступая никакимъ просьбамъ, сложилъ корону въ пользу того француза, которому не суждено было ея получить, уѣзжая на отдыхъ во Францію, онъ взялъ съ собой ихъ обоихъ.

На дорогѣ король былъ такъ веселъ, что даже танцевалъ въ Краковѣ и, вообще, чувствовалъ себя очень счастливымъ. Шляхта по дорогѣ то издѣвалась надъ паномъ Снопковскимъ, то проклинала его—за то, что онъ бросилъ корону французу. Молодой четѣ не по вкусу была прогулка по Франціи, но король не могъ обойтись безъ Дызмы. Такъ они и исчезли съ горизонта, и что съ ними было потомъ—никто не зналъ, да и мало кто и интересовался.

Грустной пророческой рѣчью про сложеніе терновой короны закончилась это страшная эпоха, о которой можно сказать, что на ней, какъ на тѣлѣ саранчи, таинственными знаками было изображено знаменіе—Божьяго гнѣва.

К О Н Е Ц Ъ .

1900

— 100 —

